



# ГИЛЬДИЯ ЛИНГВИСТОВ-ЭКСПЕРТОВ ПО ДОКУМЕНТАЦИОННЫМ И ИНФОРМАЦИОННЫМ СПОРАМ

Рег.№14127 Главного управления Министерства юстиции РФ по г. Москве от 15.02.2001 г.

129164 МОСКВА а/я 110. Тел.: +7 (903) 769 7179, +7 (925) 002 00 22. E-mail: e-expert@yandex.ru ИНН 7717118908. Internet: www.rusexpert.ru

## З А К Л Ю Ч Е Н И Е

комиссии специалистов-лингвистов ГЛЭДИС  
по анализу текстов переписки истца С. Смирнова,  
представленных в гражданском деле № 2-5519/2022

№ 17-06/23

г. Москва

«28» июня 2023 г.

**Время производства исследования:**

**Исследование начато:** «14» июня 2023 г. в 11 часов 30 минут.

**Исследование окончено:** «28» июня 2023 г. в 16 часов 50 минут.

**Сведения об экспертном учреждении:** Общественное объединение «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС)». Свидетельство о регистрации общественного объединения № 14127 от 15 февраля 2001 г., выдано Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве.

**Основания производства комплексного психолого-лингвистического исследования (научно-методического рецензирования):**

- договор Филиала компании с ограниченной ответственностью «Бейкер и Макензи-Си-Ай-Эс, Лимитед» и РОО ГЛЭДИС № 17-06/23 от 08 июня 2023 г. «О комиссионном лингвистическом исследовании текстов переписки истца С. Смирнова, представленных в гражданском деле № 2-5519/2022»;



- **приказ** председателя правления Региональной общественной организации «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС)» проф. М. В. Горбаневского № 27/06-23э от 09.06.2023 о формировании комиссии специалистов-лингвистов для проведения научно-экспертных работ по договору № 17-06/23 от 08 июня 2023 г.

**Исследование выполнено комиссией специалистов-лингвистов Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС) в следующем составе:**

- **председателя комиссии специалистов — действительного члена Гильдии, Председателя Правления ГЛЭДИС — доктора филологических наук, профессора, академика РАЕН ГОРБАНЕВСКОГО Михаила Викторовича** (специальность: «10.02.01 – Русский язык»), диплом доктора филологических наук № ДК 0010044 от 20.01.1995 г., стаж научной деятельности и работы по специальности — 45 лет, экспертная специализация – судебная лингвистическая экспертиза (свидетельство эксперта № 021-18/36-сэ от 30.09.2018 г., выдано решением экспертно-квалификационной комиссии Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам от 30.09.2018 г., протокол №12);
- **действительного члена Гильдии, члена Правления ГЛЭДИС, начальника Научно-методического отдела ГЛЭДИС — кандидата филологических наук ЖАРКОВА Игоря Вениаминовича** (специальность: «10.02.21 – Структурная, прикладная и математическая лингвистика»), диплом кандидата филологических наук КТ №017433 от 27.10.1995 г., имеющего базовое высшее филологическое образование с присвоением квалификации «лингвист — специалист по структурной и прикладной лингвистике, **со знанием английского языка**», стаж научной деятельности — 35 лет, стаж работы по специальности — 33 года, экспертная специализация – судебная лингвистическая экспертиза (свидетельство эксперта № 018-23/06-сэ от 05.01.2023, выдано решением экспертно-квалификационной комиссии Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным



спорам от 05 января 2023 г., протокол № 06);

- **действительного члена Гильдии, члена Правления ГЛЭДИС, Учёного секретаря ГЛЭДИС — доктора филологических наук, профессора, академика РАЕН МАМОНТОВА Александра Степановича** (специальность: «10.02.01 – Русский язык), профессора кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина, диплом доктора филологических наук № ДК 007310 от 23.03.2001 г., имеющего базовое высшее филологическое образование с присвоением квалификации «преподаватель русского языка и литературы, переводчик с английского языка», стаж научной деятельности и работы по специальности – 47 лет, экспертная специализация – судебная лингвистическая экспертиза (свидетельство эксперта № 016-23/04-сэ от 03.01.2023, выдано решением экспертно-квалификационной комиссии Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам от 03 января 2023 г., протокол № 04).

В распоряжение комиссии специалистов-лингвистов предоставлены следующие **материалы** гражданского дела № 2-5519/2022, ранее находившегося в производстве Невского районного суда г. Санкт-Петербурга как суда первой инстанции (в электронных копиях в формате PDF):

- **исковое заявление** С. Смирнова к компании Valve Corporation, относящейся к юрисдикции США, адресованное в Невский районный суд г. Санкт-Петербурга, датированное 30.07.2021 (6 с.);
- документ, озаглавленный «**Исковое заявление – уточнение**», подписанный от имени С. Смирнова, датированный 30.06.2022 (11 с.);
- документ, озаглавленный «**Исковое заявление – уточнение к 1 Сентября 2022**», подписанный от имени С. Смирнова, датированный 30.06.2022 (12 с.);
- **возражения на иск**, подписанные представителем ответчика Valve Corporation П.А. Лысановой, датированные 29.06.2022 (10 с.);



- документ, озаглавленный «Соглашение подписчика Steam®», указанный в списке приложений к указанным возражениям за № 3 как **«Соглашение подписчика от 30.04.2019 г.»** (17 с.);
- документ, озаглавленный «Правила поведения в Steam», указанный в списке приложений к указанным возражениям за № 4 как **«Правила поведения в сети при использовании Steam»** (1 с.);
- документ, озаглавленный **«Правила и принципы Steam: обсуждения, обзоры и пользовательский контент»**, указанный в списке приложений к указанным возражениям за № 5 (2 с.);
- **решение**, вынесенное **01.09.2022** Невским районным судом в составе председательствующего судьи Л.В. Резник (4 с.);
- **апелляционная жалоба** С. Смирнова, датированная 25.09.2022 (16 с.);
- **возражения ответчика** от 28.10.2022 на указанную апелляционную жалобу, подписанные представителем ответчика Valve Corporation П.А. Лысановой (10 с.);
- документ, озаглавленный **«Апелляционная жалоба – дополнение 3»**, подписанный от имени С. Смирнова, датированный 11.12.2022 (23 с.);
- **апелляционное определение** Санкт-Петербургского городского суда, вынесенное **12.01.2023** судебной коллегией по гражданским делам в составе председательствующего О.С. Игнатьевой, судей О.И. Бучневой и Н.В. Мелешко (10 с.);
- **кассационная жалоба** С. Смирнова, датированная 20.01.2023 (15 с.);
- **возражения ответчика** от 11.04.2023 на указанную кассационную жалобу, подписанные представителем ответчика Valve Corporation П.А. Лысановой (8 с.);
- **кассационное определение** Третьего кассационного суда общей юрисдикции, вынесенное **24.04.2023** судебной коллегией по гражданским делам в составе председательствующего А.Н. Какурина, судей С.Л. Кузнецова и Е.Г. Мальцевой (6 с.);
- **скриншоты электронных сообщений** в рамках переписки истца со службой поддержки Steam, представленные в материалы дела истцом (т. 1, л. д. 93, 112–118);



- **распечатки электронных сообщений** в рамках переписки истца со службой поддержки Steam с переводом, **представленные в материалы дела ответчиком** (т. 2, л. д. 57–103).

Перед комиссией специалистов-лингвистов поставлены следующие **вопросы**:

*1. Содержат ли представленные на исследование тексты электронных сообщений С. Смирнова высказывания, выражающие резко негативную оценку личности иных лиц, выраженную в потенциально оскорбительной, циничной, неприличной, социально неприемлемой форме, стилистически существенно сниженной относительно свойств коммуникативной ситуации их употребления, не соответствующей общепринятым нормам и правилам коммуникации?*

*2. Содержат ли представленные на исследование тексты электронных сообщений С. Смирнова высказывания, характеризующиеся проявлениями расизма?*

*3. Содержат ли представленные на исследование тексты электронных сообщений С. Смирнова высказывания, характеризующиеся специальными лингвистическими признаками дискриминации человека или группы лиц по признакам национальности, происхождения, принадлежности к какой-либо социальной группе?*

*4. Имеются ли в представленные на исследование текстах электронных сообщений С. Смирнова высказывания, содержащие угрозы?*

**Обстоятельства** гражданского дела известны комиссии специалистов-лингвистов из представленных материалов в объеме представленного. В частности, из содержания кассационного определения Третьего кассационного суда общей юрисдикции, вынесенного по делу 24.04.2023, вытекает, что к числу фактических оснований, по которым судом кассационной инстанции отменен акт, ранее принятый по делу судом апелляционной инстанции, относится то обстоятельство, что суд апелляционной инстанции «пришёл к выводу о том, что посредством аккаунта истцом допущены высказывания, содержащие угрозы, оскорбления», «без использования специальных



познаний в области лингвистики... тогда как определение характера распространенной информации может потребовать специальных знаний в области лингвистики».

Из представленных материалов гражданского дела вытекает также, что для разрешения данного гражданского дела потенциально значимым является факт наличия или отсутствия в электронных сообщениях истца высказываний, нарушающих условия, предусмотренные «Соглашением подписчика Steam®», «Правилами поведения в Steam», «Правилами и принципами Steam...», включающие в себя запреты на использование грубой нецензурной лексики и оскорблений, на проявления расизма, на дискриминацию человека или группы лиц по признакам национальности, происхождения, принадлежности к какой-либо социальной группе.

Сказанное обуславливает **соответствие поставленных на разрешение комиссии специалистов-лингвистов вопросов общей задаче судебно-экспертной деятельности**, установленной ст. 2 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и состоящей в содействии правоприменителю (в данном случае суду) с использованием специальных знаний в установлении обстоятельств, имеющих доказательственное значение по конкретному делу.

**Объектами исследования**, по результатам которого составлено настоящее заключение, с учетом содержания поставленных на разрешение комиссии специалистов-лингвистов вопросов, являю тексты электронных сообщений С. Смирнова, зафиксированные в объективной форме, допускающей лингвистическое исследование, представленными материалами гражданского дела, а именно:

- **скриншотами электронных сообщений** в рамках переписки истца со службой поддержки Steam, **представленные в материалы дела истцом** (т. 1, л. д. 93, 112–118);
- **распечатки электронных сообщений** в рамках переписки истца со службой поддержки Steam с переводом, **представленные в материалы дела ответчиком** (т. 2, л. д. 57–103).



# И С С Л Е Д О В А Н И Е

## 1. Методические основы исследования

Для разрешения поставленных вопросов использовались методы анализа значений слов, смыслового содержания высказываний и текста, разработанные в лингвистической семантике и лингвостилистике, в том числе трансформационные. Исследование проводилось в соответствии с методиками лингвостилистического, структурно-тематического, лексико-семантического и семантико-синтаксического анализа, рекомендованными к практическому использованию решением Научно-методического совета при Правлении Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС). В основу методики исследования положены методические рекомендации и понятийный аппарат, изложенные в работах по теории и практике судебной экспертизы и в работах по лингвистической экспертизе (род экспертизы, соответствующий экспертной специальности 26.1 «Исследование продуктов речевой деятельности», согласно классификации родов и видов экспертиз и экспертных специальностей, отраженной в перечнях, утвержденных приказом Минюста России № 237 от 27.12.2012 г.).

Применялись общенаучные методы, включая методы анализа и синтеза. Проводился осмотр представленных материалов и объектов.

Каждый из специалистов-лингвистов произвел исследование представленных материалов в полном объеме.

### 1.1. Нормативная база исследования

Нормативной базой исследования, определяемой исходя из содержания поставленных перед комиссией специалистов-лингвистов вопросов и с учетом известных комиссии обстоятельств дела, относящихся к природе конфликтной ситуации (потенциально значимыми для разрешения данного гражданского дела являются речевые факты употребления либо неупотребления истцом грубой нецензурной лексики и оскорблений, речевых проявлений расизма, дискриминации человека или группы лиц по признакам национальности, происхождения, принадлежности к какой-либо социальной группе), которая является источником настоящего экспертного исследования, рассматриваемого комиссией специалистов-лингвистов с точки зрения общей теории судебно-экспертной деятельности, послужили следующие законы и нормативные документы.

1. Конституция Российской Федерации 1993 г.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации.
4. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности».
5. Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».
6. Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации».
7. Постановление Пленума Верховного суда РФ «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» от 24 февраля 2005 года № 3.



8. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016).
9. Конвенция о защите прав человека и основных свобод, заключенная в г. Риме 04.11.1950 г.
10. Закон РФ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней».
11. Закон РФ «О международных договорах РФ».
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» (№ 5, 10 октября 2003 г.).
13. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016).
14. Постановление Европейского суда по правам человека от 23 мая 1991 г. по делу «Обершлик против Австрии».
15. Постановление Европейского суда по правам человека от 08 июня 1986 г. по делу «Лингенс против Австрии».
16. Постановление Европейского суда по правам человека от 21 июля 2005 г. по делу «Гринберг против Российской Федерации».
17. Постановление Европейского суда по правам человека от 11 февраля 2010 г. по делу «Федченко против Российской Федерации».
18. Постановление Европейского суда по правам человека от 04 декабря 2006 г. по делу «Карман против Российской Федерации».
19. Постановление Европейского суда по правам человека от 31 июля 2007 г. по делу «Дюльдин и Кислов против Российской Федерации».
20. Постановление Европейского суда по правам человека от 27 февраля 2001 г. по делу «Джерусалем против Австрии».
21. Постановление Европейского суда по правам человека от 24 февраля 1997 г. по делу «Де Хаэс и Гийселс против Бельгии».
22. Постановление Правительства РФ от 23 ноября 2006 г. № 714 «О порядке утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации».
23. Приказ Министерства образования и науки РФ от 8 июня 2009 г. № 195 «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации».

## 1.2. Литература

При проведении лингвистического исследования использовалась научная и методическая литература, а также ряд словарей. В том числе:

1. Бельчиков Ю.А., Горбаневский М.В., Жарков И.В. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ. Сборник материалов. — М.: ИПК «Информкнига», 2010. (*Издание подготовлено по заказу Роскомнадзора*).
2. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов /





- Под ред. проф. М.В. Горбаневского. — 2е изд., испр. и доп. — М.: Юридический Мир, 2006.
3. Смирнова С.А. Судебная экспертиза на рубеже XXI века. 2-е издание. — СПб.: ПИТЕР, 2004.
  4. Горбаневский М.В., Трофимова Г.Н. ГЛЭДИС в цифровом пространстве: Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам – 20 лет / М.: ИПЦ «МАСКА», 2021. – 176 с.
  5. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. – М.: Норма, 2005.
  6. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. — М.: Проспект, 2010.
  7. Галяшина Е., Горбаневский М., Стернин И. Лингвистические признаки диффамации в теории и практике судебных лингвистических экспертиз. //Взгляд. Ежеквартальный аналитический бюллетень. ФЗГ, 1(6)/2005, с.24-40.
  8. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. – М.: Норма, 2006.
  9. Галяшина Е.И. Основы судебного речеведения. М.: Стэнси, 2003.
  10. Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. — Барнаул: АлтГПА, 2009.
  11. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2007.
  12. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы. / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М.: Медея, 2004;
  13. Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Под ред. А. К. Симонова и М. В. Горбаневского. — М.: Медея, 2004.
  14. Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: Сборник материалов научно-практического семинара. Москва 7-8 декабря 2002 г. /Под ред. проф. М.В. Горбаневского. В двух частях. — М.: Галерея, 2002-2003;
  15. Теория и практика судебной экспертизы в гражданском и арбитражном процессе. Научно-практическое пособие. / Под ред. д.ю.н, проф. Россинской Е.Р. – Москва, 2006.
  16. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. //Под ред. проф. М.В. Горбаневского – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Галерея, 2002.
  17. Спорные тексты СМИ и судебные иски: Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов. / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М.: Престиж, 2005 г.;
  18. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. — М.: Русские словари, 1999.
  19. Андрианов М.С. Невербальная коммуникация: психология и право. — М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2007. — С. 112–113.
  20. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2001.
  21. Баранов А.Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход). АДД. М., 1989.
  22. Басков В.И. Процессуальные акты уголовного судопроизводства. — М., 1996.



23. Большой толковый словарь русского языка. / Под ред. С. А. Кузнецова — СПб.: НОРИНТ, 2004.
24. Голев Н.Д. Юридизация естественного языка как юрислингвистическая проблема // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии : Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002.
25. Губаева Т.В. Официально-деловая речь: стилистические исследования последних десятилетий. / Stylistyka. T. VI. — Opole; 1997
26. Губаева Т.В. Словесность в юриспруденции. — Казань, 1996.
27. Губаева Т.В. Стилистико-смысловые свойства протокола допроса (К проблеме диалогичности официальной письменной речи) / Типология текста в функционально-стилистическом аспекте. — Пермь, 1990.
28. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — 2-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 2001.
29. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. — 2-е изд., испр. — М.: АСТ: Астрель, 2005.
30. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. — 2-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 1980.
31. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. — М., «Наука», 1988.
32. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. — М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998.
33. Изотова Т.М., Кузнецов В.О., Плотникова А.М. Методика проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении // Теория и практика судебной экспертизы № 1 (14) 2016. М.: ФБУ РФЦСЭ при МЮ РФ, 2016.
34. Казарина В.И. Современный русский синтаксис. Структурная организация простого предложения. — Елец, 2007.
35. Комментарий к законодательству о судебной экспертизе. Уголовное, гражданское, арбитражное судопроизводство. — М.: Норма, 2004.
36. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». / Под ред. В.П. Кашепова. — М., 2003.
37. Крысин Л.П. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов. — М.: Эксмо, 2008.
38. Кузнецов С.А. Современный толковый словарь русского языка. — СПб.: Норинт, 2002.
39. Леонарди Д. Анализ диффамационного законодательства: разграничение между утверждением о факте и выражением мнения. //Взгляд. Ежеквартальный аналитический бюллетень. ФЗГ, 1(6)/2005, с.40-65.
40. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Сов. Энциклопедия, 1990.
41. Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. — Свердловск, 1991.
42. Нечаева О.А. Функционально-смысловые типы речи. — Улан-Уде, 1974.
43. Новый словарь сокращений русского языка / Под ред. Е. Г. Коваленко. — М.: Издательство «ЭТС», 1995.



44. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина / Под ред. В. В. Морковкина. — 2-е изд., испр. — М.: Астрель, 2002.
45. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997.
46. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. — М., Московская международная школа переводчиков, 1994.
47. Россинская Е.Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». — М.: Право и закон; Юрайт-Издат, 2002.
48. Сводный словарь современной русской лексики: В 2 т./ АН СССР. Ин-т рус. яз.; Под ред. Р. П. Рогожниковой. — М.: Рус. яз., 1991.
49. Словарь иностранных слов. — 18-е изд., стер. — М.: Рус. яз., 1989.
50. Современный /словарь иностранных слов. — М.: Рус. яз., 1992.
51. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. — М., 2003.
52. Судебно-экспертное исследование вещественных доказательств. — М.: Амалфея, 2003.
53. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Складчиковой. — М.: Эксмо, 2006.
54. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: ТЕРРА, 1996.
55. Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. / Сост. А. И. Фёдоров. — Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1995.
56. Фразеологический словарь русского языка / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; под ред. А.И. Молоткова. — 4-е изд., стереотип. — М., «Рус. яз.», 1987.
57. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. Русское сквернословие. Краткий, но выразительный словарь. — М., «Олма медиа групп», 2007.
58. Е. С. Отин. «Все менты — мои кенты...» (Как образуются жаргонные слова и выражения). — М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2006.
59. Longman Dictionary of Contemporary English. 3<sup>rd</sup> edition. — Longman Group Ltd., 1995.
60. Новый большой англо-русский словарь / Под общ. ред. Ю. Д. Апресяна. — М.: Рус. яз., 1998.
61. ABBYY Lingvo 11. Шесть языков. Электронный словарь © 2005 ABBYY Software.

### 1.3. Понятийный аппарат лингвистического исследования

Подлинное содержание и свойства спорных фрагментов текстов выявляются с помощью специальных лингвистических методик, с использованием особых терминов, в том числе общеязыковых и общенаучных понятий, таких как *информация*, *утверждение*, *мнение*, которые употребляются в лингвистической экспертизе в специальных значениях. Существенно отметить также, что языковые категории, связанные с основными применяемыми в настоящем исследовании понятиями, относятся к разряду **универсалий** — свойств, присущих всем или подавляющему большинству естественных



языков, и являются актуальными и валидно применимыми при анализе продуктов речевой деятельности как на русском, так и на английском языке.

**Информация (сведения)** — совокупность языковых высказываний о мире, событиях и о положении дел, а также об отношении отправителя информации к этим событиям. Информация может быть, в частности:

- **фактологической** — о конкретных ситуациях, происшествиях или событиях, о поступках или поведении физического лица, о деятельности лица юридического;
- **обобщающей** — о типичных событиях, типичном поведении человека, типичных представителях каких-либо групп, о житейских обычаях и т. п.;
- **этически оценочной** — о качествах и поступках людей, о ситуациях или событиях, которые в какой-либо картине мира, в какой-либо ценностной системе описываются как хорошие или плохие;
- **концептуально-аналитической** — о природных или социальных закономерностях, причинно-следственных и иных связях между явлениями реальной действительности;
- **директивной** — организующей поведение людей. Директивная информация может выражаться в различных формах, например, просьбы, требования, информирования об обязанностях. Частный случай высказывания, содержащего директивную информацию, — вопрос, выражающий запрос тех или иных сведений (за исключением так называемых риторических вопросов, характеризующихся иными коммуникативными намерениями).

**Информация нейтральная** — информация (сведения) о ситуации, событии (о явлении, о лице, поступках лица), которые в стандартной картине мира не описываются в ценностных категориях (к такой информации неприменимы оценки «хорошо» и «плохо»).

**Информация положительная (позитивная)** — информация (сведения) о ситуации, событии (о явлении, о лице, поступках лица), которые в системе ценностей данного общества или на основании социально и культурологически обусловленных местных стереотипов восприятия и реагирования считаются хорошими, похвальными, благоприятными для данного общества.

**Информация отрицательная (негативная)** — информация (сведения), которая содержит отрицательные характеристики юридического или физического лица или его деятельности, а также поступков физического лица с точки зрения здравого смысла, морали или с правовой точки зрения (в той мере, в которой об этом может судить любой дееспособный гражданин, не имея специальных познаний в области юриспруденции). Если негативная информация (сведения) не соответствует действительности, то такая распространяемая информация называется **порочащей** в отношении субъекта информации — лица, к которому она относится. Если негативная информация соответствует действительности, то такая информация называется **позорящей** в отношении субъекта информации.

Негативная информация может носить как обобщающий или оценочный характер (негативная оценка лица, его качеств, поведения или деятельности в целом, отдельных действий и поступков), так и характер фактический, когда говорящий сообщает сведения о конкретных действиях, поступках лица, которые отрицательно его характеризуют. В последнем случае негативная характеристика, о которой идет речь, может как выражаться



в речи говорящего (прямо или косвенно), так и не получать своего речевого выражения, вытекая в то же время из социально и культурологически обусловленных местных стереотипов восприятия и реагирования.

**Источник информации** (сведений) — тот, кто предоставляет информацию. Источники информации могут быть определенными: поименованными в тексте (*Как сообщил пресс-секретарь, Как сообщил В. В. Иванов, Как сообщает РИА "Новости"*) или анонимными, неназванными (*Как сообщил представитель Администрации Президента, не пожелавший себя назвать*), — а также неопределенными (*По слухам, Как говорят все, По некоторым сведениям, Как нам стало известно*).

**Высказывание** — речевая единица, передающая относительно законченный фрагмент информации, сведений.

**Контекст слова, выражения, высказывания** — относительно законченная в смысловом отношении часть текста, достаточная для понимания смысла употребления этого слова, выражения, высказывания в конкретном тексте. Влияющие на смысловое восприятие слова, выражения или высказывания фрагменты текста, предшествующие этому слову, выражению или высказыванию, называются его предыдущим, или левым контекстом; фрагменты текста, находящиеся в тексте после слова, выражения или высказывания, формируют их последующий, или правый контекст. Наибольшее влияние на смысловое восприятие компонентов текста оказывает их предыдущий контекст. Необходимость рассмотрения последующего контекста, как правило, возникает в ситуациях, когда левый контекст не является достаточным для осмысленного непротиворечивого толкования компонента текста или в его правом контексте имеются высказывания, уточняющие или раскрывающие его смысл и тем самым влияющие на его интерпретацию.

**Восприятие речи** — процесс извлечения адресатом речевого сообщения смысла, находящегося за внешней формой речевых высказываний. Восприятие речи носит субъективный характер, результат восприятия речи, включая смысловое содержание, воспринятое адресатом, в общем случае не может рассматриваться как свойство, объективно присущее продукту речевой деятельности.

**Текст** — максимальная речевая единица, несущая целостный смысл. Как правило, в целях адекватного анализа высказывания, даже в тех случаях, когда вопросы задаются только по отдельным фрагментам текста, в лингвистической экспертизе необходимо анализировать текст целиком. Такой анализ позволяет выявить контекст высказываний, без которого понимание их смысла невозможно. Стилистический анализ отдельных высказываний также требует их сопоставления с общими стилистическими свойствами текста. Языковые средства, недопустимые и социально неприемлемые в передовице серьезной газеты, вполне уместны в фельетоне, который может быть опубликован в той же самой газете на другой полосе. Стилистика текста определяется как его жанром, так и авторскими особенностями стиля.

**Честь** — общественная оценка личности, мера духовных, социальных качеств личности, является важнейшим нематериальным благом человека наряду с его жизнью, свободой, здоровьем. Понятие чести включает в себя три аспекта:

- а) характеристика самой личности (качества лица); нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть;
- б) общественная оценка личности (отражение качеств лица в общественном сознании). Понятие чести изначально предполагает наличие положительной оценки;



в) общественная оценка, принятая самой личностью, способность человека оценивать свои поступки, действовать в нравственной жизни в соответствии с принятыми в обществе моральными нормами, правилами и требованиями.

Дискредитация человека в общественном мнении и есть **унижение чести**.

**Достоинство** — сопровождающееся положительной оценкой лица отражение его качеств в его собственном сознании. В отличие от чести, достоинство — это не просто оценка соответствия своей личности и своих поступков социальным или моральным нормам, но прежде всего — ощущение своей ценности как человека вообще (человеческое достоинство), как конкретной личности (личное достоинство), как представителя определенной социальной группы или общности (например, профессиональное достоинство), ценности самой этой общности (например, национальное достоинство). Достоинство (но не честь) рассматривается Конституцией Российской Федерации как абсолютно неотъемлемая и охраняемая государством ценность. Достоинство — это положительное мнение человека о самом себе как отражение его социальной оценки.

**Деловая репутация** — приобретаемая положительная или отрицательная общественная оценка деловых качеств лица. Деловая репутация представляет собой набор качеств и оценок, с которыми их носитель ассоциируется в глазах своих контрагентов, клиентов, потребителей, коллег по работе, поклонников (например, для шоу-бизнеса), избирателей (для выборных должностей) и персонифицируется среди других профессионалов в соответствующей области деятельности.

**Факт** — истинное событие, действительное происшествие или явление, существовавшее или существующее на самом деле. Важно различать факт и комментарии по поводу факта, то есть суждения о факте.

**Мнение** (о фактах, событиях, лицах) — суждение, выражающее чью-нибудь точку зрения, отношение к кому-либо, чему-либо. Мнение может выражаться: 1) в форме предположения; 2) в форме утверждения. Мнение в форме предположения выявляется на основе формальных признаков — распознается по наличию специальных маркеров, предусмотренных системой языка, то есть определенных слов и конструкций (например: *по моему мнению; мне кажется; я думаю; надо полагать, что* и др.). Мнение в форме утверждения таких маркеров не содержит, выявляется на основе семантических (смысловых) свойств суждения. Для распознавания мнения, выраженного в утвердительной форме, имеет значение прежде всего характер информации, содержащейся в высказывании (оценочная, аналитическая, обобщающая).

Выражение своих мнений и убеждений, то есть пользование свободой слова, налагает на гражданина особые обязанности и сопровождается некоторыми ограничениями, установленными законом. Речь идет о необходимости уважать права и репутацию других лиц, охранять здоровье и нравственность общества, общественный порядок, государственную безопасность.

Мнение, в отличие от утверждения о фактах, не может соответствовать или не соответствовать действительности, так как отражает не реальную действительность, а ее восприятие человеком, не мир, но его личную картину мира, однако оно может подтверждаться или не подтверждаться фактами, событиями объективной действительности. Мнение может опираться на факты, этим оно отличается от **домысла**, и содержать оценку фактов и их комментарии, в этом его отличие от **знания**.

Изложение мнения (устно или письменно), в отличие от утверждения о фактах, обычно сопровождается указанием на носителя мнения. Ср.: *Сидоров уехал* - констатация



факта. А высказывания (1) *Я думаю, Сидоров уехал* и (2) *Как думает начальник, Сидоров уехал* выражают мнения: в первом случае это мнение самого говорящего (*Я думаю*), во втором случае - мнение начальника (*Как думает начальник*). Мнение содержит информацию, но не о самой действительности (фактах), а о том, какой образ действительности есть у говорящего.

Мнение о том или ином лице, его деятельности и деловых качествах может быть выражено в грубой, неприличной форме. Такое выражение мнения может задеть честь и достоинство, негативно отразиться на деловой репутации этого лица.

Как особые формы выражения мнения в лингвистической экспертизе рассматриваются художественные приемы информирования: образные средства — тропы (метафора, гипербола, ирония); стилизация под художественные, «нежурналистские» жанровые формы; косвенные речевые акты, в том числе риторический вопрос; намек как прием наведения аудитории на желаемые выводы с помощью некоторой информации.

Мнение может характеризоваться как обоснованное или необоснованное, как доказанное или бездоказательное, но не характеризуется как соответствующее или не соответствующее действительности. Право выражать мнение закреплено за гражданами России законодательно (Конституция РФ, ст. 29), оно в профессиональном аспекте касается журналистов, работников средств массовой коммуникации (закон «О средствах массовой информации», ст. 47, п. 9) и охраняется международными актами (в частности, Всеобщей декларацией прав человека, Международным пактом о гражданских и политических правах, Конвенцией о защите прав человека и основных свобод).

Мнение может формироваться на основе фактов или же быть предвзятым, не основанным на фактах. Человек может формировать свое мнение сознательно, рационально оценивая факты, или бессознательно, не отдавая себе отчета в том, почему он так считает. В случае, когда в тексте изложен ряд фактов, сопровождающийся каким-то **выводом**, вытекающим из них, такой вывод, как правило, трактуется как разновидность предположения. Вывод может быть неверным по двум причинам: (1) одно из логически предшествующих ему утверждений о фактах не соответствует действительности; (2) ошибочна сама логика рассуждений (факты изложены достоверно, но такой вывод на их основании сделать нельзя). Вывод — это осознанно сформировавшееся мнение. Вывод может быть выражен в форме утверждения, что подчеркивает уверенность говорящего в его правильности.

Вывод может носить негативный характер в чем-либо отношении. В этом случае, если обоснование вывода раскрыто в тексте и читатель имеет возможность проверить логику рассуждений автора, но факты, на которые опирается автор, изложены недостоверно, может быть признано, что исходные утверждения о фактах, которые сами по себе могут быть нейтральными в отношении лица X, представляют собой сведения, негативно характеризующие X через основанный на них вывод.

Например, в тексте присутствуют высказывания: *В прошлом году был убит гр-н А. Убийца до сих пор не найден. Давайте посмотрим, у кого был мотив на совершение этого убийства.* — а также излагаются факты, свидетельствующие о том, что мотив на совершение убийства А был у гр-на Б. Однако в действительности убийца А найден и его виновность установлена приговором суда. В этом случае вывод-предположение о том, что убийцей А мог быть гражданин Б, основано на утверждении о фактах *Убийца до сих пор не найден*. Такое утверждение может быть признано порочащим в отношении Б через основанное на нем негативное предположение (вывод).



Если же фактического обоснования вывода в тексте нет или читатель не имеет возможности проверить логику рассуждений автора по другим причинам (например, для этого требуются специальные познания, которыми читатель не обладает), а сам этот вывод сформулирован в безапелляционной утвердительной форме, такой вывод может и должен рассматриваться как утверждение о фактах.

**Убеждение, убежденное мнение** — твердое мнение. Выражение убеждений в тексте распознается по наличию оборотов, подчеркивающих достоверность сообщаемых сведений, убежденность говорящего в их истинности (например, *я убежден, бесспорно, голову даю на отсечение*). Мнение, выраженное в форме вывода, при наличии подобных оборотов воспринимается как осознанно сформировавшееся убеждение.

**Утверждение** — высказывание (выражение мнения, суждение), в котором утверждается что-либо и в котором отображается связь предмета и его признаков. В простейшем, наиболее очевидном случае утверждение грамматически выражается формой повествовательного предложения в изъявительном наклонении — как невосклицательного, так и восклицательного. Утверждения могут быть истинными (соответствуют действительности) или ложными (не соответствуют действительности).

В зависимости от характера выражаемой информации утверждение может быть утверждением о фактах (например, *Рост Ивана составляет 1 м 80 см*), оценочным суждением — субъективным мнением (*Иван высок*), в том числе негативно окрашенным (*Иван — дылда*), обобщающим утверждением — выводом, отражающим мнение, основанное на жизненном опыте говорящего (*столбы обычно высоки*) и т. д.

**Утверждение о фактах** всегда основано на **знаниях**, которыми обладает говорящий. Утверждения о фактах подлежат **верификации** — проверке на соответствие действительности. Соответствие действительности не следует путать с **истинностью** высказывания. Истинными или ложными могут быть признаны высказывания, по форме представляющие собой не только утверждения, но и предположения, выводы и т. п. Истинность высказывания *Основная причина сегодняшнего благополучного положения России — высокий уровень мировых цен на энергоносители* может быть подтверждена или опровергнута методами экономической науки, однако такое исследование не является верификацией. Достаточно сказать, что истинностная оценка этого высказывания зависит от критериев, применяемых при оценке истинности таких его компонентов, как *основная причина* или *высокий уровень цен*.

Несоответствие действительности высказываемого говорящим утверждения о фактах означает, что говорящий сознательно вводит адресата высказывания в заблуждение, зная о ложности сообщаемых им сведений либо выдавая собственные предположения или мнение за твердые знания.

По употребленным языковым средствам, по риторическим приемам можно определить, во-первых, считает автор информацию о мире истинной или сомневается в ней, подает он ее как несомненную истину или как свое предположение. И, следовательно, если информация не соответствует действительности, то следует говорить об умышленном распространении автором ложной информации или о его добросовестном заблуждении. Во-вторых, по языковой форме можно с определенной уверенностью прогнозировать, как аудитория воспримет информацию — как истину или как гипотезу, как чью-то субъективную оценку ситуации, предположение — и, следовательно, как она отнесется к описываемым людям и событиям.





Собственно верификация информации не является и не может быть задачей лингвистической экспертизы, выходит за пределы компетенции экспертов-лингвистов. Проверка сведений на соответствие действительности относится к компетенции следствия, дознания и суда. Эксперт-лингвист может и должен установить форму выражения информации и указать тем самым, подлежит ли она верификации.

**Оценочные утверждения** (содержащие оценку мнения или предположения, выраженные в форме утверждений), как правило, нельзя верифицировать — проверить на соответствие действительности. Например, нельзя верифицировать утверждение *Елкин — ленивец*, так как у каждого свое представление о лени. Но ср.: *Елкин плохо работает* — утверждение, содержащее оценку (*плохо*), которое подлежит проверке на соответствие действительности, так как есть критерии нормальной работы (например, должностные инструкции, нормы трудового законодательства). Бесспорным критерием соответствия действительности той или иной оценки могут служить также вступившие в законную силу судебные решения и приговоры, содержащие оценку соответствующего факта.

Оценка может характеризоваться как справедливая или несправедливая, как обоснованная или нет, но не может характеризоваться в целом как соответствующая или не соответствующая действительности. Поэтому, если некоторая информация выражена с помощью оценочных слов (например, *шарлатан*), она должна анализироваться с разложением на фактический компонент, подлежащий верификации (*Политик X дает избирателям обещания, но не выполняет их*), и оценочный компонент, верификации не подлежащий, но характеризуемый по параметру **стилистической нормативности** (благопристойности). Фраза *Политик X — шарлатан* — это жесткая критика в адрес политика, дискредитация его, предпринимаемая в том случае, если ее автор считает, что аудитория думает об этом политике лучше, чем он того заслуживает, или если хорошее мнение аудитории о нем автору невыгодно. Подобная фраза вполне может стать основанием гражданского иска о компенсации морального вреда, причиненного в форме унижения его чести и достоинства, в особенности, если X считает, что фактический компонент информации не соответствует действительности.

Кроме того, негативная информация, как оценочная, так и фактологическая, может быть **неуместной**, не соответствовать содержанию текста. В тексте, содержащем критику должностного лица в связи с исполнением им должностных обязанностей, неуместны, например, сведения о его физических недостатках или о том, что ему изменяет жена.

Неуместность информации может иметь значение, например, при рассмотрении вопросов о нарушении тайны личной жизни, но не в делах о защите чести, достоинства и деловой репутации. Следует также иметь в виду, что в случае публичных персон (политиков, чиновников, деятелей культуры и проч.) распространение информации об их частной жизни, о финансово-предпринимательской деятельности их близких и т. п. может трактоваться как необходимая часть имиджа такой публичной персоны. Кроме того, политики по самому своему положению находятся в центре внимания и, согласно нормам демократии, обязаны быть информационно открытыми для общественности. Эта часть информационного пространства регулируется прежде всего нормами журналистской этики.

Свойство быть утверждением о фактах, оценочным утверждением, предположением и т. п. — это свойство самого высказывания, **форма выражения** информации, объективно ему присущая. Большинство высказываний отражают чье-то



личное мнение, но это мнение может быть выражено в различных формах: предположения, утверждения о фактах и т. п.

То обстоятельство, что разные формы информации о мире и людях по-разному соотносятся с ее верифицируемостью, имеет решающее значение для лингвистической экспертизы по делам о клевете, об оскорблении или об унижении чести и достоинства и умалении деловой репутации. Информация, распространяемая автором в форме утверждений о фактах, подается в тексте как его знание и автоматически, другими словами, бессознательно воспринимается аудиторией как истинная. Именно к ней предъявляется требование соответствия действительности и применяется процедура верификации. Если в форме утверждений о фактах распространяются ложные сведения (ложность которых, равно как и умышленность распространения, доказывается следствием или соответствующей стороной в судебном процессе), то можно говорить о клевете или же о добросовестном заблуждении автора, что влечет соответствующие правовые последствия.

Если же информация распространяется в форме выражения мнения, то она аудиторией заведомо воспринимается критически, как гипотетическая, не обязательно истинная; общественный резонанс от распространения такой информации слабее. Сведения, транслируемые в формах мнения, отображают не реальную действительность, не реальный мир, а тот образ действительности, который имеется в индивидуальном сознании автора или в коллективном сознании той группы людей, мнения и интересы которой отображает автор, — **возможный мир**, как называют его логики и лингвисты, или **картину мира**. Они рассказывают аудитории не о том, что есть в действительности, не о том, каков человек в жизни, а о том, какой образ действительности, какой образ этого человека сложился у данного автора. Картина мира изучается, описывается в особых терминах, но не оценивается по параметру соответствия действительности.

К информации, распространяемой в форме мнения и его разновидностей (предположения и сомнения, а также оценки), не предъявляется требование соответствия действительности. Если автор распространяет в форме мнения недостоверную или даже заведомо лживую информацию, то его нельзя обвинить в клевете: ведь он отображает свою картину мира. Равно нельзя предъявить ему претензию в распространении сведений, не соответствующих действительности, порочащей информация, т. е. в унижении чести, достоинства и деловой репутации, нельзя потребовать опровержения в порядке ст. 152 ГК РФ.

Следует, впрочем, оговориться, что сказанное в полной мере относится к таким случаям выражения мнения, когда оценки и выводы говорящего сопровождаются изложением сведений о фактах, на которых эти оценки и выводы основаны. Лишь при этих условиях адресат информации имеет возможность самостоятельно проверить логику рассуждений и суждений ее отправителя, а также соответствие описанных в тексте фактических обстоятельств тем или иным критериям субъективной оценки. Поскольку такие критерии в общем случае могут быть различными у разных лиц, при подобном способе изложения информации автор предоставляет читателю возможность как присоединиться к выраженным в тексте оценкам и выводам, так и занять собственное мнение, основанное на той же фактической базе, однако удовлетворяющее иным субъективным критериям и иным рассуждениям об изложенных в тексте фактах.

Форма мнения в текстах СМИ нередко является специфическим приемом самозащиты авторов от возможных претензий к качеству информации, т. е. к ее



истинности. Но присутствие мнения в тексте не означает обязательной недобросовестности автора. Напротив, выражение автором сведений и мыслей как мнения часто свидетельствует об ответственном подходе к информированию аудитории, о нежелании вводить ее в заблуждение категоричной манерой изложения, характерной для утверждений о фактах.

В высказываниях-мнениях часто содержатся **скрытые** утверждения о фактах. Например: *Я считаю, что Сидоров — лежебока, потому он и опоздал* — в этом высказывании-мнении содержится оценочное суждение (*Сидоров — лежебока*) и ссылка на якобы имевший место факт "Сидоров опоздал", истинность которого не обсуждается в силу общеизвестности или очевидности. Скрытая форма высказываний противопоставлена **форме явной**. Если информация, выраженная в явной форме, оформляется отдельным предикатом, то скрытая форма выражения сведений такого оформления не имеет. Сведения в скрытой форме выражаются в различных формах, таких как именные словосочетания, адъективные словосочетания, причастные и деепричастные обороты и т. п. Информация, выражаемая в скрытой форме, может быть как фактической, так и оценочной, аналитической или обобщающей, такая информация может сопровождаться различными маркерами предположительности сообщаемых сведений и иными маркерами выражения мнения, как, например, в высказывании *Характерная для многих мусульман практика применения хиджаба в процессе обучения в светских образовательных учреждениях была названа докладчиком социально опасным явлением, противоречащим, по его убеждению, основам конституционного строя Российской Федерации*. При отсутствии таких маркеров скрытая форма выражения информации рассматривается как утвердительная. В приведенном примере наряду с выраженной в явной форме фактической информацией (докладчик назвал практику ношения хиджаба в светских образовательных учреждениях социально опасным явлением) присутствует множество сведений, выражаемых в скрытой форме: практика ношения хиджаба в светских образовательных учреждениях является социально опасным явлением (концептуально-аналитическая информация с элементами оценки в утвердительной форме, со ссылкой на докладчика как источник сведений, отражает мнение докладчика); практика ношения хиджаба в светских образовательных учреждениях является характерной для многих мусульман (обобщающие сведения в утвердительной форме, отражают мнение говорящего); практика ношения хиджаба в светских образовательных учреждениях противоречит основам конституционного строя РФ (аналитическая информация в форме убеждения докладчика).

Существует также **пресуппозитивная (затекстовая) форма**, когда информация о каких-то аспектах события в тексте непосредственно не выражена, но подразумевается. Пресуппозитивная форма является объективной, так как соответствующая информация извлекается из текста любым носителем языка на основе элементарной логики и здравого смысла. Однако не любой вывод, который можно сделать на основе логического анализа текста, может быть отнесен к пресуппозитивной информации. Информация, выраженная в пресуппозитивной форме, объективно присутствует в тексте лишь в том случае, если без этой информации полное понимание текста невозможно. Например, в высказывании *Иван работает на заводе уже двадцать лет* присутствует пресуппозитивная информация «Иван — взрослый человек, находящийся в трудоспособном возрасте». Поскольку пресуппозитивная информация воспринимается слушающим как **заведомо истинная**,



пресуппозитивная информация фактического типа в большинстве случаев приравнивается к **утверждениям о фактах**.

**Суждение** — 1) в логике: операция с понятиями, из которых одно (субъект) определяется и раскрывается через другое (предикат). В любом суждении что-либо утверждается или отрицается относительно предметов и явлений, их свойств, связей и отношений; 2) то же, что *мнение*. При анализе спорных текстов лингвистическая экспертиза имеет дело с суждением во втором значении, то есть с мнением.

**Предположение**, в отличие от утверждения, содержит специальные **маркеры предположительности** — слова, обороты и грамматические средства, выражающие неуверенность, сомнение, вероятность происхождения того или иного события, одну из ряда возможных версий (например, *может быть, вероятно, по-видимому, как представляется, думается*). Предположение является одной из форм выражения мнения, когда автор текста хочет подчеркнуть предварительный характер высказываемых соображений или собственную неуверенность в их достоверности.

**Содержание**, или **смысл высказывания** — мысль, суждение, или их фрагмент, отраженные в структуре высказывания (предложения, фрагмента текста, текста), а также складывающиеся из значений и порядка слов, составляющих высказывание.

**Интерпретация** — раскрытие смысла, содержания чего-либо.

**Анафорические связи в тексте** — отношения между частями текста (между словами, словосочетаниями, высказываниями), при которых в смысл одного слова (словосочетания, высказывания) входит отсылка к другому слову (словосочетанию, высказыванию). Чаще всего в спорных текстах эксперты сталкиваются с анафорическим употреблением местоимений. Например: *Петров брал взятки, но ему всегда было мало денег* - во второй части предложения местоимением ему поименован Петров, названный в первой части предложения. Но в языке существуют и иные анафорические средства. Например: *Можно выбрать тот проект, за который в конверте принесут откат, и это было на всех этажах прежнего министерства. И это же продолжается в теперешнем Агентстве* — информация о действиях министерства, изложенная в первом предложении, полностью относится к действиям Агентства. То есть: в Агентстве, как и в министерстве, выбирают проекты, за которые приносят откаты.

**Коммуникативное намерение** определяет роль говорящего как участника общения и обозначает конкретную цель его высказывания, т. е. спрашивает он, или утверждает, или призывает, осуждает или одобряет, советует или требует и т. д. Коммуникативные намерения являются регулятором вербального поведения партнеров. Значения слов языка, обозначающих конкретные коммуникативные намерения, таких как *просьба, предложение, намек, угроза*, носят **металингвистический** характер, так как эти слова используются в тождественных значениях и как обычные лексические средства (слова языка), и в качестве лингвистических терминов, служащих для описания языковых явлений.

**Угроза** — выражение намерения совершить действия, поступки, в результате которых вероятно наступление негативных последствий для адресата.

Если основные цели совершения указанных действий не имеют к адресату непосредственного отношения, а будущие негативные последствия являются их побочным эффектом, такая угроза рассматривается как **предостережение**. Предостережение может быть доброжелательным по отношению к адресату.



Выражение угрозы может быть как явным (например, «Я тебя убью!») — явное выражение соответствующего намерения «открытым текстом»), так и скрытым, завуалированным, иметь форму намека.

В правовом смысле *унижение чести, достоинства и деловой репутации физического или юридического лица* — это гражданское правонарушение, которое заключается в том, что о человеке или организации распространяются высказывания, содержащие порочащие сведения. Такие сведения определяются через два обязательных показателя: как информация, во-первых, лживая, не соответствующая действительности, а во-вторых, как информация об особых действиях и поступках (о нарушении законов, профессиональной, в частности деловой, этики, моральных правил, о противоречии здравому смыслу, о несоответствии социально значимым требованиям и т. п.).

Границы компетенции и ответственности лингвистов очерчены очень четко. Языковеды не уполномочены определять правдивость или ложность сведений, верифицировать высказывания — это дело суда, но они выявляют те фрагменты текста, которые могут быть верифицированы судом, потому что имеют языковую форму утверждений о фактах, выражающих знание автора, и те, которые не могут быть верифицированы, потому что имеют форму выраженного мнения. Кроме того, лингвисты помогают уточнить, идет в тексте речь о нарушениях закона, о недостойном или выходящем за рамки здравого смысла поведении того или иного лица, то есть сообщается о его конкретных проступках, или дается обобщенная оценка его личности, которую невозможно верифицировать (как и мнение). При этом оценить сведения как порочащие может только судебная инстанция — это правовая, а не лингвистическая характеристика. Лингвисты в пределах своей компетенции могут также выявить неприличный, социально неприемлемый в конкретном тексте характер формулировок, наличие в них непристойных, **потенциально оскорбительных** конструкций и присутствие в тексте высказываний неуместных, не соответствующих фактической тематике текста или формально заявленной в тексте теме как авторскому замыслу, а также указать на имеющееся в тексте обоснование оценок и выводов либо на отсутствие такого обоснования.

Значения слов, устойчивых словосочетаний, грамматических средств языка фиксируются в словарях и грамматиках. **Словарные значения** охватывают подавляющее большинство случаев употребления слов в реальных текстах.

В речи слова вступают между собой в синтаксические связи, образуя словосочетания, предложения и иные единицы речи, которых нет в системе языка в готовом виде. Возможные значения словосочетания определяются так называемым «сложением» значений входящих в него слов по соответствующим синтаксическим правилам.

Вступление слов в синтаксическую связь и образование словосочетания возможно лишь при условии соблюдения принципа **синсемичности** — принципа сочетания слов, основанного на наличии у них общих **сем** (элементарных единиц смысла) и соответственно двусторонней готовности к соединению.

Так, словосочетание *синий шарф* вполне возможно и осмысленно в современном русском языке, в то время как словосочетание *\*синий лепет* бессмысленно и невозможно с точки зрения системы языка, поскольку нарушает принцип синсемичности (если



прилагательное *синий* и существительное *летит* использованы в общепринятых, словарных значениях).

Принцип синсемичности (семантического согласования, итеративности сем) основан на объективно существующих свойствах предметов. Не вызывает сомнения, что предметы не существуют в виде чистой субстанции, отдельно от своих свойств и их отношений к другим предметам. Как не существует предмет вне своих свойств, так и свойства не существуют независимо от предметов, вне связи этого предмета с другими предметами. Смысловая соотносительность, сохраняющаяся в пределах класса лексем, позволяет обладателям идентичных сем объединяться в межчастеречные лексико-семантические поля, компоненты которых принимают участие в репрезентации означаемого синтаксической конструкции. Замена одной лексемы на другую в структурных схемах возможна только в пределах одного семантического поля. Например, репрезентация синтаксического концепта «воздействие» осуществляется структурной схемой «кто делает что», когда в позиции именительного падежа представлен личный субъект, а в позиции винительного падежа — артефакт со значением создаваемого или разрушаемого объекта: *Воины разрушили город (крепость, укрепление, заграждение): разрушить* – «уничтожить, руша». Если же в позиции субъекта оказывается имя неодушевленного предмета (*гранатомет разрушил город*), означаемое синтаксической схемы будет иным: `кто-то гранатометом разрушил город`: неодушевленный предмет не может быть производителем действия и выступает лишь в функции орудия действия. Если же в позиции объекта разрушения оказывается личное имя, то выражение оказывается некорректным. Ср.: *\*Воины разрушили пленных*. Хотя синонимичный глагол *уничтожить* (прекратить существование кого-либо, чего-либо; истребить, упразднить, ликвидировать) вполне допускает в позиции объекта как личное, так и предметное имя. Ср.: *Воины уничтожили пленных` истребили, ликвидировали` – Воины уничтожили город` ликвидировали, разрушили, сожгли`*.

Формальные нарушения принципа синсемичности часто наблюдаются в образной речи, прежде всего в художественной литературе, когда вступающие в синтаксическую связь слова используются в **переносных** значениях — тропах, отсутствующих у этих слов в системе языка.

При анализе смысла, который то или иное выражение приобретает в конкретном тексте, эксперт-лингвист прежде всего принимает во внимание словарные (отраженные в толковых словарях) значения составляющих его слов и устойчивых словосочетаний. Учет словарных значений, то есть буквальное истолкование высказываний, является достаточным для адекватной интерпретации текста как основной задачи лингвистической экспертизы при выполнении следующих условий:

- объединение словарных значений слов, составляющих высказывание, не нарушает правил сочетаемости слов русского языка;
- выводимый на основе словарных значений смысл высказывания не вступает в противоречие с его контекстом или конситуацией (известными эксперту обстоятельствами дела).

В некоторых случаях сформулированные условия могут оказаться нарушенными. Это означает, что какое-то слово или выражение употребляются в тексте в несловарных значениях. Речь может идти:

- о разовом, так называемом **оказиональном** словоупотреблении. Значение оказионального словоупотребления, как правило, ясно из контекста;



- об использовании слова в **новом значении**, которое еще не зафиксировано словарями. Для адекватного определения такого значения необходимо исследовать **употребление** слова в современном русском языке. Совокупность контекстов употребления позволяет установить подлинное значение слова.

Необходимость исследования употребления слов в современном русском языке возникает лишь при невозможности буквального истолкования того или иного выражения на основе словарных значений.

Отдельным значениям многозначных слов могут соответствовать свои грамматические особенности. Так, существительное *медь* в значениях «изделия из меди — химического элемента (Cu), ковкого металла желтого цвета с красноватым отливом» и «монеты из такого металла» является собирательным, в отличие от того же существительного в других значениях; глагол *подбиться* в значении «войти в доверие, снискать расположение кого-либо» требует дополнения в форме *к + дат. (к кому)*, а в значении «напоровшись, наскочив на что-либо, повредиться» такого дополнения не требует и не принимает.

Описание некоторых иных терминов и связанных с ними понятий, а также дополнительные сведения о понятийном содержании некоторых используемых терминов даны в исследовательской части настоящего заключения.

## 2. Исследование по вопросу № 1

2.1. Поставленный на разрешение комиссии специалистов вопрос № 1 связан с выявлением в продуктах речевой деятельности истца потенциально оскорбительных языковых форм. Несмотря на декриминализацию «чистого» оскорбления (отмену статьи 130 УК РФ), понятие оскорбления продолжает оставаться актуальным для современного уголовного права, сохраняясь в качестве элемента таких составов уголовных преступлений, как, например, ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти», ст. 336 УК РФ «Оскорбление военнослужащего» или актуальная в настоящем случае ст. 297 УК РФ «Неуважение к суду».

В качестве **неприличной формы** выражения в лингвистической и психолого-лингвистической экспертизе рассматривается такая языковая форма, которая включает в себя языковые средства, не соответствующие ситуации их употребления по своим стилистическим характеристикам, например, являющиеся резко сниженными в стилистическом отношении на общем фоне письменного текста или устного диалога — реальном или должном, вытекающем из требований, налагаемых конституацией коммуникации. Неприличный характер может носить главным образом употребление номинативных единиц языка. Выбор тех или иных грамматических средств в связи с



абстрактностью их семантики сам по себе, в отрыве от лексических компонентов высказывания, не способен приводить к его неприличности.

Терминами «непристойная лексика», «неприличная лексика», «обсценная лексика» обозначаются слова и обороты, которые в момент их конкретного употребления считаются неприличными, хотя, возможно, эти слова вполне допустимы в какой-то иной ситуации. Неприличность языковой формы не носит абсолютного характера, является свойством, характеризующим употребление языкового знака в определенной ситуации. Неприличными, социально неприемлемыми являются слова и выражения, употребление которых в конкретной ситуации общения нарушает нормы общественной морали. Например, многие выражения, которые допустимы и естественны в разговоре подростков, являются недопустимыми, социально неприемлемыми в школьных сочинениях, авторами которых являются те же самые подростки, а нецензурные слова вполне уместны в специальном словаре нецензурной лексики, но их использование в публичном выступлении политика может быть допустимым разве что в ситуации объявления ядерной войны или при иных событиях, предполагающих предельно реальную возможность конца света.

Наиболее ярким примером непристойности в русском языке является лексический пласт, связанный с сексуальными понятиями, — грубые названия гениталий, полового акта, половых отклонений и т. п. Такая лексика, как правило, табуирована, то есть запрещена для публичного употребления в силу сложившихся традиций. Именно поэтому в речи или на письме эти слова вынуждают говорящего (пишущего) создавать пропуски: *Иди ты на..., Голосуй не голосуй, все равно получишь х..*).

В общем случае неприличными могут быть как слова жаргонные, диалектные, просторечные, так и слова, относящиеся к собственно литературному языку (употребление литературных слов типа *подлец, мерзавец* в конкретной ситуации общения может противоречить нормам общественной морали в не меньшей степени).

В зависимости от контекста и (или) ситуации употребления негативнооценочных языковых средств возможна **деактуализация** негативного компонента информации, при которой информация перестает быть негативнооценочной, приобретает характер нейтральной. Это происходит, например, в ситуации устного общения с фразой «Да вы негодяй!», произносимой с интонацией наигранного удивления. На явление





деактуализации указывают в работах, посвященных лингвистической экспертологии, например, Н. Д. Голев [24], К. И. Бринев [10].

В ситуации деактуализированного употребления потенциально оскорбительных языковых средств происходит переосмысление именно тех компонентов значения, которые несут в себе инвективное, резкое негативнооценочное содержание, нарушая тем самым нормы поведения, принятые в обществе. В результате деактуализированное употребление, как правило, не носит неприличного характера.

Следует также учитывать возможность *нейтрализации* инвективных языковых средств, когда контекст не является достаточным для установления точного смысла, который они приобретают в конкретном высказывании, и их соотнесенности с объектами и субъектами реальной действительности. Нейтрализация возможна в случаях многозначности или омонимии лексических единиц. Например, слово *блядь* в современном русском языке употребляется в качестве имени существительного, имеющего прямое значение «женщина легкого поведения» и целый ряд значений переносных, а также в качестве междометия. Гипотетический контекст *Ты, блядь, зачем сюда явилась?* (рассматриваемый без учета интонации) не позволяет ответить на вопрос о том, использована здесь словоформа *блядь* как существительное в синтаксической функции обращения (в этом случае ее следовало бы признать употребленной для обозначения конкретного лица, такое употребление носит адресованный характер и может быть признано инвективным, оскорбительным) или же она является междометием, которое не обозначает конкретное лицо и характеризует лишь эмоциональное состояние и речевое поведение говорящего.

Представления о приличиях и неприличности сильно варьируются, поскольку зависят от времени и места коммуникации, от этнокультурной специфики, пола и возраста коммуникантов. Специальные исследования помогли уточнить список категорий потенциально оскорбительной (инвективной, ругательной) лексики. Реализация этого потенциала во всех случаях зависит от конкретной ситуации коммуникации.

Лингвистические характеристики, которыми должно обладать высказывание, чтобы его можно было квалифицировать как оскорбительное, — это нецензурность, непристойность слов и выражений, выражение сравнения объекта вербальной агрессии с одиозными историческими и литературными персонажами, присутствие лексики и



фразеологии, которая оскорбляет общественную мораль, нарушает нормы общественных приличий. Эта лексика воспринимается явным большинством носителей языка как недопустимая в конкретном тексте (с учетом ситуации употребления).

Ведущим диагностическим признаком **оскорбительности** слова или высказывания является **неприличная форма выражения обобщенной отрицательной оценки** лица, которая подрывает его престиж в глазах окружающих и наносит ущерб уважению к самому себе.

**Инвективная лексика** — лексика, которая может употребляться как форма оскорбления или унижения адресата речи или третьего лица; потенциально оскорбительная. К инвективной лексике относятся прежде всего слова и выражения, употребление которых в общении нарушает нормы общественной морали. Это могут быть как слова жаргонные, диалектные, просторечные, так и слова, относящиеся к собственно литературному языку (употребление литературных слов типа *подлец*, *мерзавец* в конкретной ситуации общения может противоречить нормам общественной морали в не меньшей степени).

Чаще всего к инвективной лексике относятся слова следующих категорий:

1. Слова и выражения, обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность, приобретающие инвективную экспрессию при употреблении в переносном значении: *взяточник*, *жулик*, *проститутка*.

2. Слова с ярко выраженной негативной оценкой, фактически составляющей их основной смысл, также обозначающие социально осуждаемую деятельность или позицию характеризуемого: *расист*, *двурушник*, *предатель*.

3. Названия некоторых профессий, употребляемые в переносном значении: *палач*, *мясник*.

4. Зоосемантические метафоры, отсылающие к названиям животных и подчеркивающие какие-либо отрицательные свойства человека: нечистоплотность или неблагодарность (*свинья*), глупость (*осел*), неповоротливость, неуклюжесть (*корова*) и т.п.

5. Глаголы с осуждающим значением или прямой негативной оценкой: *воровать*, *хапнуть*.



6. Слова, содержащие экспрессивную негативную оценку поведения человека, свойств его личности и т.п., без отношения к указанию на конкретную деятельность или позицию: *негодяй, мерзавец, хам*.

7. Эвфемизмы для слов первого разряда, сохраняющие тем не менее их негативно-оценочный характер: *женщина легкого поведения, интердевочка*.

8. Специальные негативно-оценочные каламбурные образования: *коммуняки, дерьмократы*.

Кроме того, оскорбительным, как правило, является использование для негативной характеристики лица нецензурных слов.

Использование в тексте слов перечисленных категорий само по себе далеко не всегда является оскорблением. Прежде всего, об оскорблении можно говорить лишь в тех случаях, когда есть конкретный адресат — лицо, которое характеризуется в тексте при помощи данных слов; есть и другие факторы, подлежащие учету (в частности, возможность деактуализации негативнооценочных компонентов и нейтрализации смыслов).

Не следует также воспринимать этот список категорий инвективной лексики как универсальный, подлежащий автоматическому применению в любой **коммуникативной ситуации**. Вполне очевидно, что между коммуникативными ситуациями разного типа существуют стилистические различия, релевантные для возможности отнесения того или иного выражения к разряду неприемлемых в той или иной ситуации. Не меньшее значение имеет также **стилистический фон**, сложившийся в конкретных обстоятельствах, в которых было употреблено то или иное спорное слово. Даже нецензурное слово не может рассматриваться как резко стилистически сниженное относительно ситуации его употребления, если на протяжении всего предыдущего диалога оба собеседника то и дело матерились по разным поводам.

Обобщая изложенное, можно констатировать, что в качестве высказывания в неприличной, потенциально оскорбительной форме должно рассматриваться такое высказывание, в котором использованы инвективные языковые средства, стилистически не соответствующие ситуации их употребления, и которое содержит резкую негативную оценку личности адресата, носящую обобщенный характер.



Приведенный список категорий инвективной лексики является наиболее полным, заведомо охватывая все возможные классы слов и выражений, которые обладают в языке инвективным, оскорбительным потенциалом. Следует, впрочем, иметь в виду, что указанный список не может и не должен трактоваться как своего рода абсолютный критерий, дающий основания для механического отнесения любого слова, принадлежащего одной из перечисленных категорий, к числу потенциально оскорбительных вне зависимости от стилистических и иных свойств коммуникативной ситуации, являющейся предметом рассмотрения в конкретном судебном деле.

**2.2. Федеральный закон № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» устанавливает (п. 1 ст. 3):**

Государственный язык Российской Федерации подлежит обязательному использованию:

1) в деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности, в том числе в деятельности по ведению делопроизводства;

...

6) во взаимоотношениях федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, органов местного самоуправления, а также в официальных взаимоотношениях и официальной переписке организаций всех форм собственности с гражданами Российской Федерации, иностранными гражданами, лицами без гражданства

Использование русского языка как государственного предполагает обязательное соблюдение норм современного русского литературного языка, правил орфографии и пунктуации. Статья 1 указанного закона содержит ссылку на такие нормы и правила, Министерством образования и науки РФ утвержден ряд источников, полностью или частично регламентирующих орфографическую, словоизменительную, орфоэпическую и фразеологическую нормы современного русского языка (Приказ Министерства образования и науки РФ от 8 июня 2009 г. № 195, изданный в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 23 ноября 2006 г. № 714). Иные аспекты языковой нормы, в том числе синтаксический и лексический, в силу ряда объективно существующих причин не регламентированы какими-либо правовыми и (или)



нормативно-правовыми актами и относятся к сфере компетенции специалистов в области языкознания (лингвистики).

Сказанное определяет значимое для разрешения поставленных перед комиссией специалистов вопросов свойство **коммуникативной ситуации**, в которой были реализованы спорные продукты речевой деятельности истца. Из представленных материалов гражданского дела неясно, является истец С. Смирнов гражданином Российской Федерации, иностранным (по отношению к РФ) гражданином или лицом без гражданства, однако вне зависимости от того, какая из перечисленных возможностей является актуальной, следует констатировать, что переписка истца со службой поддержки Steam представляет собой частный случай взаимоотношений гражданина Российской Федерации, иностранного гражданина или лица без гражданства с организацией, а следовательно, в актах коммуникации в рамках этих взаимоотношений современный русский язык должен использоваться как язык государственный, в соответствии с его нормами и правилами.

Применение в указанной переписке любых языковых средств, лежащих за пределами языковой нормы, вступает в противоречие с законодательно установленными параметрами коммуникативной ситуации, является существенно сниженным в стилистическом отношении по сравнению с этими параметрами.

**2.3.** На скриншоте, представленном истцом, находящемся в т. 1 на л. д. 93, имеется сообщение истца следующего дословного содержания (здесь и далее при цитировании спорных сообщений воспроизводятся особенности орфографии и пунктуации исследуемых текстов; в угловых скобках (<>) приводятся комментарии комиссии специалистов, описательные в отношении содержания исследуемых текстов):

Гандоны ебаные верните мне аккаунт! Защиту прав потребителя закон читаем!

<приведены две гиперссылки на информационные ресурсы>

Сранная компания жирного ублюдка

В высказывании «Гандоны ебаные верните мне аккаунт!» словосочетание «Гандоны ебаные» выступает в синтаксической функции обращения.



Имя существительное *гондон* фиксируется толковыми словарями современного русского языка. Так, по данным «Большого толкового словаря», оно имеет в современном русском языке два значения:

**ГОНДОН**, -а; м. [англ. condom] **1.** Устар. и Разг. =Презерватив. **2.** Грубо. Выражает крайне неприязненное отношение к лицу мужского пола.

Значение 1 не соответствует употреблению рассматриваемого существительного для обозначения лица, являющегося адресатом речи, исключается как не отвечающее критерию синсемичности.

Употребление существительного *гондон* в значении 2 определенно выходит за границу нормы современного русского литературного языка, что подтверждается также фактом лексикографической фиксации рассматриваемого существительного словарями субстандартной лексики.

Так, по данным словаря «Русское сквернословие» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной, имя существительное *гондон* (графически передается также равноправным вариантом *гандон*; подобная графическая вариативность характерна для слов, находящихся за пределами орфографической нормы литературного языка, например *говно* и *гавно*, *пидорас* и *пидарас*) по своим стилистическим характеристикам является вульгарно-просторечным, презрительным обозначением лица, имеет прямое значение ‘презерватив’ и переносное значение ‘никчемный, пустой человек’ с презрительной коннотацией. У переносного значения фиксируется также жаргонный оттенок употребления ‘ничтожный, ни на что не годный человек’, сохраняющий также презрительную коннотацию.

С учетом изложенного, словоформа *гандоны* в составе исследуемого тексте употреблено в значении ‘никчемные, пустые люди’ либо ‘ничтожные, ни на что не годные люди’, является вульгарно-просторечным, презрительным обозначением сотрудников службы поддержки Steam, которым адресовано исследуемое сообщение.

Присущая подобному словоупотреблению экспрессия усиливается восклицательной интонацией (рассматриваемое высказывание завершается восклицательным знаком) и определением «ебаные». Написание истцом прилагательного *ёбаный* с удвоенной в суффиксе является проявлением описанной выше графической



вариативности слов, находящихся за пределами нормы языка, в том числе нормы орфографической и орфоэпической.

По данным словаря «Русское сквернословие» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной, имя прилагательное *ёбаный* по своим стилистическим характеристикам в прямом значении выражает обценную, грубо-просторечную характеристику лица ‘о том, с кем произвели половой акт’; в переносном значении ‘негодный, подлый, мерзкий’ является бранным. Коммуникативная ситуация спорных текстов не предполагает, что истцу С. Смирнову как отправителю спорных сообщений могли быть известны какие-либо фактические сведения о половой жизни сотрудников службы поддержки, к которым он обращается, — в качестве актуализированного в рассматриваемом контексте следует рассматривать переносное значение прилагательного *ёбаный*.

Обобщая изложенное, можно констатировать, что словосочетание «Гандоны ебанные» в исследуемом тексте является вульгарно-просторечным, презрительным, бранным обозначением сотрудников службы поддержки Steam, которым адресовано исследуемое сообщение, характеризуется высоким уровнем экспрессии, выражает экспрессивную негативную оценку поведения человека, свойств его личности и т. п., без отношения к указанию на конкретную деятельность или позицию, тем самым образовано словами, относящимися к одному из разрядов инвективной, потенциально оскорбительной лексики.

Словосочетание «Гандоны ебанные» в исследуемом тексте реализовано с использованием языковых средств, лежащих за пределами нормы языка. Как показано в подразделе 2.2 настоящего заключения, применение в исследуемых сообщениях любых языковых средств, лежащих за пределами языковой нормы, следует трактовать как существенно сниженное в стилистическом отношении по сравнению с законодательно установленными параметрами рассматриваемой коммуникативной ситуации.

**Таким образом,** в высказывании истца «Гандоны ебанные верните мне аккаунт!» содержится резко негативная оценка личности иных лиц, выраженная в потенциально оскорбительной, циничной, неприличной, социально неприемлемой форме, стилистически существенно сниженной относительно свойств коммуникативной ситуации употребления данного высказывания и не соответствующей общепринятым нормам и правилам коммуникации.



В высказывании «Сранная компания жирного ублюдка» наряду с негативной оценкой юридического лица, чьим сотрудникам адресованы исследуемые сообщения, что не является релевантным для разрешения вопроса № 1 (юридическое лицо не может быть объектом оскорбления) присутствует также негативная оценка некоего человека, обозначаемого словосочетанием *жирный ублюдок*. В пресуппозицию высказывания входит информация о том, что есть некий человек, единолично владеющий и (или) контролирующей компанию, являющуюся ответчиком в рамках настоящего гражданского дела. Предоставленные в распоряжение комиссии специалистов-лингвистов материалы не содержат данных о структуре собственности и управления ответчика, в связи с чем не представляется возможным установить, существует ли лицо, обозначенное в рассматриваемом высказывании словосочетанием *жирный ублюдок*, а следовательно, не представляется возможным также установить, содержится ли в высказывании «Сранная компания жирного ублюдка» резко негативная оценка личности иных лиц, выраженная в потенциально оскорбительной форме.

**2.4.** На скриншотах, представленных истцом, находящихся в т. 1 на л. д. 112–118, не имеется релевантных для разрешения поставленного перед специалистами вопроса № 1 сообщений. В частности, зафиксированное на скриншоте, представленном на л. д. 115 сообщение «SUPPORT IN RUSSIAN LANGUAGE ! STOP DELETING MY TICKETS!!!!!!» с вполне корректным переводом (за исключением пунктуационного оформления первой части высказывания, которая в оригинале является восклицательным) в правой части скриншота «ПОДДЕРЖКА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ. ПЕРЕСТАНЬТЕ УДАЛЯТЬ МОИ ЗАПРОСЫ!!!!!!» представляет собой парцеллированное высказывание, которому присуще коммуникативное намерение требования, что соответствует сочетанию формы повелительного наклонения с восклицательной интонацией, использованием прописных букв и отсутствием каких-либо формул вежливости, в составе которого используются стилистически нейтральные лексические средства, не противоречащие описанным в подразделе 2.2 настоящего заключения свойствам коммуникативной ситуации.

Также имеющееся на л. д. 115 сообщение «ПОДДЕРЖКА НА РУССКОМ!!! ВЫ ЗАЕБАЛИ!» выражает резко негативную экспрессивную оценку действий сотрудников службы поддержки Steam (вероятно, имеются в виду действия по удалению ранее





направленных истцом электронных запросов, о которых шла речь в предыдущем сообщении), что не тождественно и не эквивалентно оценке какой-либо личности.

Таким образом, на скриншотах, представленных истцом, находящихся в т. 1 на л. д. 112–118, не зафиксировано каких-либо высказываний истца, в которых содержалась бы резко негативная оценка личности иных лиц, выраженная в потенциально оскорбительной, циничной, неприличной, социально неприемлемой форме, стилистически существенно сниженной относительно свойств коммуникативной ситуации употребления данных высказываний, не соответствующей общепринятым нормам и правилам коммуникации.

**2.5.** В тексте электронного сообщения от 13.09.2019, представленного ответчиком, распечатка которого находится в т. 2 на л. д. 57 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 58), истец высказывает претензии:

- в связи с блокировкой (в оригинальном английском тексте используется существительное *ban*; в переводе Е.С. Хавренковой используется существительное *запрет*, по мнению комиссии специалистов, не вполне точно передающее смысл оригинального словоупотребления) его участия в деятельности *Сообщества* (из контекста вытекает, что данное существительное употребляется как термин, обозначающий множество пользователей программного обеспечения Steam; данный термин вводится и определяется в представленном документе, озаглавленном «Соглашение подписчика Steam®»), введенной на срок 14 недель в связи с тем, что истец назвал разработчиков словом *cucks* (во вполне корректном переводе Е.С. Хавренковой — *лохами*);
- в связи с тем, что указанная блокировка не была снята, несмотря на то, что разработчики отменили цензуру;
- в связи с тем, что сотрудники службы поддержки Steam заблокировали (в оригинальном английском тексте вновь используется глагол *to ban*; в переводе Е.С. Хавренковой используется глагол *запретить*, по мнению комиссии специалистов, как и в описанном выше контексте не вполне точно передающее смысл оригинального словоупотребления) для истца



возможность связываться с ними. Текст содержит пресуппозитивную информацию о том, что данная блокировка была связана с употреблением истцом в переписке с сотрудниками службы поддержки для обозначения последних словосочетания *leftist faggots* (во вполне корректном переводе Е.С. Хавренковой — *левые пидоры*).

Истец рассматривает описанное положение дел как ограничение его прав потребителя, пресуппозитивно признает, что описанные блокировки действительно основаны на правилах, предусмотренных «Соглашением подписчика Steam®», «Правилах поведения в сети при использовании Steam» и документом, озаглавленным «Правила и принципы Steam: обсуждения, обзоры и пользовательский контент», ссылаясь лишь на то, что это правила, по мнению истца, противоречат действующему российскому законодательству («YOUR TOS AND LEFTIST FAGGOTS RULES ARE YOUR WHIM AND NOT LEGAL INDER THE RUSSIAN LAW», во вполне корректном переводе Е.С. Хавренковой — «ВАШИ УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ЛЕВОГО ПИДОРА – ВАША ПРИХОТЬ И НЕЗАКОННЫ ПО РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ»).

При этом истец в данном исследуемом сообщении вновь использует словосочетание *leftist faggots* (*левые пидоры*) для обозначения сотрудников службы поддержки Steam. В теме сообщения эти сотрудники обозначаются также словосочетанием *fucking steam support* (в переводе Е.С. Хавренковой — *гребаная поддержка Стим*; комиссия специалистов-лингвистов полагает, что данный перевод является эвфемистическим, более корректный и адекватный оригиналу перевод — *ебучая поддержка Steam*).

Исследуемое сообщение формально адресовано Гейбу Ньюэллу (Gabe Newell): основной текст начинается и заканчивается обращениями к указанному лицу. Начальное обращение имеет вид «Hello fat fuck newell», финальное высказывание — «What you are doing is ILLEGAL you faggot leftist fat cuck».

Использованные истцом в следующих словосочетаниях:

- *leftist faggots* (*левые пидоры*);
- *fucking steam support* (*ебучая поддержка Steam*);
- *fat fuck newell* (*жирный ебаный Ньюэлл*);



- *faggot leftist fat cunt* (левый жирный ублюдок-пидор) —

лексемы *faggot* (*пидор*),  *fucking* (*ебучий*),  *fuck* (*ебанный*) относятся в английском языке к наиболее низкому стилистическому слою, который следует считать эквивалентным с практической точки зрения релевантному для современного русского языка понятию нецензурной лексики, что, собственно говоря, отражается и в переводах этих слов.

Как показано в подразделе 2.2 настоящего заключения, применение в исследуемых сообщениях любых языковых средств, лежащих за пределами языковой нормы, следует трактовать как существенно сниженное в стилистическом отношении по сравнению с законодательно установленными параметрами рассматриваемой коммуникативной ситуации. Поскольку перечисленные слова во всех случаях используются для характеристики определенных лиц: Гейба Ньюэлла и (или) сотрудников службы поддержки Steam, — можно констатировать, что в данном исследуемом сообщении **содержится резко негативная оценка личности иных лиц, выраженная в потенциально оскорбительной, циничной, неприличной, социально неприемлемой форме**, стилистически существенно сниженной относительно свойств коммуникативной ситуации и не соответствующей общепринятым нормам и правилам коммуникации.

**2.6.** В тексте электронного сообщения от 26.02.2020, представленного ответчиком, распечатка которого находится в т. 2 на л. д. 59 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 60), истец в связи со своей блокировкой высказывает претензии, аналогичные описанным в подразделе 2.5 настоящего заключения.

Как и в случае с сообщением, описанным в подразделе 2.5 настоящего заключения, исследуемое сообщение формально адресовано Гейбу Ньюэллу (Gabe Newell): основной текст начинается обращениями к указанному лицу. Начальное обращение имеет вид «Listen you fatfuck Newell».

Использованные истцом в следующих словосочетаниях:

- *leftist fucking fat faggots* (левый ебучий жирный пидор);
- *fatfuck Newell* (жирный ебанный Ньюэлл) —

лексемы *faggot* (*пидор*),  *fucking* (*ебучий*),  *fuck* (*ебанный*) относятся в английском языке к наиболее низкому стилистическому слою, который следует считать эквивалентным с



практической точки зрения релевантному для современного русского языка понятию нецензурной лексики, что, собственно говоря, отражается и в переводах этих слов.

Как показано в подразделе 2.2 настоящего заключения, применение в исследуемых сообщениях любых языковых средств, лежащих за пределами языковой нормы, следует трактовать как существенно сниженное в стилистическом отношении по сравнению с законодательно установленными параметрами рассматриваемой коммуникативной ситуации. Поскольку перечисленные слова во всех случаях используются для характеристики определенного лица (Гейба Ньюэлла), можно констатировать, что в данном исследуемом сообщении **содержится резко негативная оценка личности иного лица, выраженная в потенциально оскорбительной, циничной, неприличной, социально неприемлемой форме**, стилистически существенно сниженной относительно свойств коммуникативной ситуации и не соответствующей общепринятым нормам и правилам коммуникации.

2.7. В тексте электронного сообщения от 29.02.2020, представленного ответчиком, распечатка которого находится в т. 2 на л. д. 61–62 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 63–64), истец в связи со своей действующей блокировкой, а также в связи с полученным им предупреждением о возможной в будущем более объемной блокировке и удалении учетной записи высказывает претензии, аналогичные описанным в подразделе 2.5 настоящего заключения.

Исследуемое сообщение адресовано сотрудникам ответчика: основной текст начинается обращением вида «Listen Valve fucktards!» (во вполне корректном переводе Е.С. Хавренковой — «Слушайте, ублюдки из Вальв!»).

Использованные истцом в следующих словоупотреблениях и словосочетаниях:

- *Valve fucktards* (ублюдки из Valve);
- *faggots* (нидоры) —

лексема *fucktard* (ублюдок) и *faggot* (нидор) относятся в английском языке к наиболее низкому стилистическому слою, который следует считать эквивалентным с практической точки зрения релевантному для современного русского языка понятию нецензурной лексики, что, собственно говоря, отражается и в переводах этих слов.



Как показано в подразделе 2.2 настоящего заключения, применение в исследуемых сообщениях любых языковых средств, лежащих за пределами языковой нормы, следует трактовать как существенно сниженное в стилистическом отношении по сравнению с законодательно установленными параметрами рассматриваемой коммуникативной ситуации. Поскольку перечисленные слова во всех случаях используются для характеристики определенного лица (Гейба Ньюэлла), можно констатировать, что в данном исследуемом сообщении **содержится резко негативная оценка личности иного лица, выраженная в потенциально оскорбительной, циничной, неприличной, социально неприемлемой форме**, стилистически существенно сниженной относительно свойств коммуникативной ситуации и не соответствующей общепринятым нормам и правилам коммуникации.

**2.8.** В тексте электронного сообщения от 06.03.2020, представленного ответчиком, распечатка которого находится в т. 2 на л. д. 65 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 66), истец в связи со своей действующей блокировкой высказывает претензии, аналогичные описанным в подразделе 2.5 настоящего заключения.

Данный исследуемый текст не содержит упоминания о каких-либо конкретных лицах и группах лиц. Негативнооценочная информация, содержащаяся в исследуемом тексте, относится к действиям ответчика и к содержанию документов, устанавливающих правила, за нарушение которых истец подвергся блокировке.

Таким образом, в тексте электронного сообщения от 06.03.2020, представленного ответчиком, распечатка которого находится в т. 2 на л. д. 65 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 66), не зафиксировано каких-либо высказываний истца, в которых содержалась бы резко негативная оценка личности иных лиц, выраженная в потенциально оскорбительной, циничной, неприличной, социально неприемлемой форме, стилистически существенно сниженной относительно свойств коммуникативной ситуации употребления данных высказываний, не соответствующей общепринятым нормам и правилам коммуникации.

**2.9.** В тексте обращений истца к модераторам форума, представленных ответчиком, распечатка которых находится в т. 2 на л. д. 67–68 (перевод на русский язык



Е.С. Хавренковой на л. д. 69–70), истец в связи со своей действующей блокировкой высказывает претензии, аналогичные описанным в подразделе 2.5 настоящего заключения.

Использованные истцом словоупотребления *fucks* (*мудаки*) и *faggots* (*нидоры*) в качестве обращений к модераторам форума и обозначения разработчиков Steam относятся в английском языке к наиболее низкому стилистическому слою, который следует считать эквивалентным с практической точки зрения релевантному для современного русского языка понятию нецензурной лексики, что, собственно говоря, отражается и в переводах этих слов.

Как показано в подразделе 2.2 настоящего заключения, применение в исследуемых сообщениях любых языковых средств, лежащих за пределами языковой нормы, следует трактовать как существенно сниженное в стилистическом отношении по сравнению с законодательно установленными параметрами рассматриваемой коммуникативной ситуации. Поскольку перечисленные слова во всех случаях используются для характеристики определенных лиц (модераторов форума и разработчиков Steam), можно констатировать, что в данных исследуемых сообщениях **содержится резко негативная оценка личности иных лиц, выраженная в потенциально оскорбительной, циничной, неприличной, социально неприемлемой форме**, стилистически существенно сниженной относительно свойств коммуникативной ситуации и не соответствующей общепринятым нормам и правилам коммуникации.

**2.10.** В тексте обращений истца к модераторам форума, представленных ответчиком, распечатка которых находится в т. 2 на л. д. 71–72 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 73–74), истец в связи со своей действующей блокировкой высказывает претензии, аналогичные описанным в подразделе 2.5 настоящего заключения.

Использованные истцом в следующих словоупотреблениях и словосочетаниях:

- *fucking retards* (*ебучие тормоза*);
- *fucking leftist retards* (*ебучие тормоза-леваки*);
- *fucking faggots* (*ебучие нидоры*) —



лексемы  *fucking*  (ебучий) и  *faggot*  (пидор) относятся в английском языке к наиболее низкому стилистическому слою, который следует считать эквивалентным с практической точки зрения релевантному для современного русского языка понятию нецензурной лексики, что, собственно говоря, отражается и в переводах этих слов.

Использованные истцом словоупотребления  *fucks*  (мудаки) и  *faggots*  (пидоры) в качестве обращений к модераторам форума и обозначения разработчиков Steam относятся в английском языке к наиболее низкому стилистическому слою, который следует считать эквивалентным с практической точки зрения релевантному для современного русского языка понятию нецензурной лексики, что, собственно говоря, отражается и в переводах этих слов.

В числе данных исследуемых сообщений имеется также сообщение истца на современном русском языке вида «Блять пидара ебаные я плачу за сервисы покупая игры. А сервис не предоставляется в полном объеме. Если бан не будет снят я обращусь в защиту прав потребителей и потом в суд».

По данным словаря «Русское сквернословие» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной, имя существительное  *пидар*  (графически передается также равноправными вариантами  *пидор, пидер, пидра* ; подобная графическая вариативность характерна для слов, находящихся за пределами орфографической нормы литературного языка, например  *говно*  и  *гавно, гондон*  и  *гандон* ) по своим стилистическим характеристикам является вульгарно-просторечным или жаргонным, во всех случаях бранным обозначением лица, имеет прямое значение ‘гомосексуалист’ и переносное значение ‘негодяй, ничтожество’. Имя существительное  *пидар*  относится к категории нецензурной лексики, в случае переносного употребления, актуальном для рассматриваемого контекста, выражает экспрессивную негативную оценку поведения человека, свойств его личности и т.п., без отношения к указанию на конкретную деятельность или позицию.

Свойства словоупотребления прилагательного  *ёбанный*  в данном исследуемом тексте полностью аналогичны описанным в подразделе 2.3 настоящего заключения.

Обобщая изложенное, можно констатировать, что словосочетание «пидара ебаные» в исследуемом тексте является вульгарно-просторечным или жаргонным бранным обозначением модераторов форума, которым адресовано исследуемое сообщение, характеризуется высоким уровнем экспрессии, выражает экспрессивную



негативную оценку поведения человека, свойств его личности и т. п., без отношения к указанию на конкретную деятельность или позицию, тем самым образовано словами, относящимися к одному из разрядов инвективной, потенциально оскорбительной лексики.

Словосочетание «пидара ебаные» в исследуемом тексте реализовано с использованием языковых средств, лежащих за пределами нормы языка. Как показано в подразделе 2.2 настоящего заключения, применение в исследуемых сообщениях любых языковых средств, лежащих за пределами языковой нормы, следует трактовать как существенно сниженное в стилистическом отношении по сравнению с законодательно установленными параметрами рассматриваемой коммуникативной ситуации. Поскольку перечисленные слова во всех случаях используются для характеристики определенных лиц (модераторов форума и разработчиков Steam), можно констатировать, что в данных исследуемых сообщениях **содержится резко негативная оценка личности иных лиц, выраженная в потенциально оскорбительной**, циничной, неприличной, социально неприемлемой **форме**, стилистически существенно сниженной относительно свойств коммуникативной ситуации и не соответствующей общепринятым нормам и правилам коммуникации.

**2.11.** В тексте электронного сообщения от 27.02.2020, представленного ответчиком, распечатка которого находится в т. 2 на л. д. 75 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 76, вероятно, является обратным переводом на русский язык английского перевода данного сообщения, имеющегося на л. д. 75), истец в связи со своей действующей блокировкой высказывает претензии, аналогичные описанным в подразделе 2.5 настоящего заключения.

Данное исследуемое сообщение обращено к сотрудникам службы поддержки Steam. Адресат сообщения обозначение в его начальном высказывании «Бля пидары какого хуй я плачу за сервис покупая игры а вы режите мне сервис» словоформой «пидары».

В составе данного исследуемого сообщения имеется также высказывание «И блядь ублюдки проверьте все мои баны на ваши левацкие правила», в составе которого словоформа «ублюдки» используется в синтаксической функции обращения, также обозначая тем самым сотрудников службы поддержки Steam.





Свойства словоупотребления существительного *тидар* в данном исследуемом тексте полностью аналогичны описанным в подразделе 2.10 настоящего заключения.

Имя существительное *ублюдок* фиксируется толковыми словарями современного русского языка. Так, по данным «Большого толкового словаря», оно имеет в современном русском языке два значения:

**УБЛЮДОК**, -дка; *м.* **1.** Нечистокровное, непородистое животное, помесь. **2.** *Разг.-сниж.* Незаконнорождённый ребёнок. **3.** *Грубо.* Человек с низменными, животными инстинктами; выродок. *Фашистские ублюдки. Не человек, а настоящий у! Ах ты, у. несчастный! Вот у. на мою голову навязался!*

Значение 1 не соответствует употреблению рассматриваемого существительного для обозначения лица, являющегося адресатом речи, исключается как не отвечающее критерию синсемичности.

Значение 2 также подлежит исключению, поскольку коммуникативная ситуация спорных текстов не предполагает, что истцу С. Смирнову как отправителю спорных сообщений могли быть известны какие-либо фактические сведения о родителях сотрудников службы поддержки Steam и истории появления на свет каждого из этих сотрудников. Переносный характер словоупотребления обеспечивает его экспрессивность.

С учетом изложенного, существительное *ублюдок* в контексте рассматриваемого спорного текста выражает стилистически грубую резко негативную характеристику сотрудников службы поддержки Steam, приписывая им низменные, животные инстинкты, выражает экспрессивную негативную оценку поведения человека, свойств его личности и т.п., без отношения к указанию на конкретную деятельность или позицию, тем самым относится к одному из разрядов инвективной лексики.

Как показано в подразделе 2.2 настоящего заключения, применение в исследуемых сообщениях любых языковых средств, лежащих за пределами языковой нормы, следует трактовать как существенно сниженное в стилистическом отношении по сравнению с законодательно установленными параметрами рассматриваемой коммуникативной ситуации. Поскольку перечисленные слова во всех случаях используются для характеристики определенных лиц (сотрудников службы поддержки Steam), можно констатировать, что в данном исследуемом сообщении **содержится резко негативная**



**оценка личности иных лиц, выраженная в потенциально оскорбительной, циничной, неприличной, социально неприемлемой форме**, стилистически существенно сниженной относительно свойств коммуникативной ситуации и не соответствующей общепринятым нормам и правилам коммуникации.

**2.12.** В тексте электронного сообщения от 28.02.2020, представленного ответчиком, распечатка которого находится в т. 2 на л. д. 77 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 78), истец высказывает претензии, связанные с практикой обработки его запросов, и просит сменить язык поддержки на русский.

Данный исследуемый текст не содержит упоминания о каких-либо конкретных лицах и группах лиц, кроме группы сотрудников службы поддержки Steam, описываемой истцом как «So called Dream Team Sarah-Lynn» («так называемая команда мечты Сара-Линн»). Негативнооценочная информация, содержащаяся в исследуемом тексте, относится к действиям указанного подразделения службы поддержки.

Таким образом, в тексте электронного сообщения от 28.02.2020, представленного ответчиком, распечатка которого находится в т. 2 на л. д. 77 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 78), не зафиксировано каких-либо высказываний истца, в которых содержалась бы резко негативная оценка личности иных лиц, выраженная в потенциально оскорбительной, циничной, неприличной, социально неприемлемой форме, стилистически существенно сниженной относительно свойств коммуникативной ситуации употребления данных высказываний, не соответствующей общепринятым нормам и правилам коммуникации.

**2.13.** В тексте электронных сообщений от 28.02.2020, представленных ответчиком, распечатка которых находится в т. 2 на л. д. 79–80 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 81), истец высказывает претензии, связанные с практикой обработки его запросов службой поддержки Steam, и обращается к сотрудникам указанной службы с восклицанием «ПОДДЕРЖКА НА РУССКОМ!!! ВЫ ЗАЕБАЛИ!», рассмотренным в подразделе 2.4 настоящего заключения, согласно выводам которого это восклицание выражает резко негативную экспрессивную оценку действий сотрудников службы поддержки Steam (вероятно, имеются в виду действия по удалению ранее



направленных истцом электронных запросов, о которых шла речь в предыдущем сообщении), что не тождественно и не эквивалентно оценке какой-либо личности.

Таким образом, в тексте электронных сообщений от 28.02.2020, представленных ответчиком, распечатка которых находится в т. 2 на л. д. 79–80 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 81), не зафиксировано каких-либо высказываний истца, в которых содержалась бы резко негативная оценка личности иных лиц, выраженная в потенциально оскорбительной, циничной, неприличной, социально неприемлемой форме, стилистически существенно сниженной относительно свойств коммуникативной ситуации употребления данных высказываний, не соответствующей общепринятым нормам и правилам коммуникации.

**2.14.** В тексте электронного сообщения от 28.04.2020, представленного ответчиком, распечатка которого находится в т. 2 на л. д. 82 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 83), истец в связи со своей блокировкой высказывает претензии, аналогичные описанным в подразделе 2.5 настоящего заключения.

Исследуемое сообщение адресовано сотрудникам службы поддержки Steam.

Использованные истцом в следующих словосочетаниях:

- *fascist leftist nazi faggots and cunts* (*фашистские левые нацистские пидоры и пизды*);
- *fascist fuckface* (*фашистская ебаная морда*) —

лексемы *faggot* (*пидор*), *fuckface* (*ебаная морда*), *cunt* (*пизда*) относятся в английском языке к наиболее низкому стилистическому слою, который следует считать эквивалентным с практической точки зрения релевантному для современного русского языка понятию нецензурной лексики, что, собственно говоря, отражается и в переводах этих слов.

Дополнительную экспрессию указанным словесным обозначениям придает переносное употребление определений *fascist* (*фашистский*), *nazi* (*нацистский*), *leftist* (*левый, левацкий*). Употребление данных слов носит определенно переносный характер, их восприятие в прямых значениях не представляется возможным в силу антагонистической противоречивости связанных с ними понятий: фашизм и нацизм — виды крайне правой идеологии, противостоящей видам идеологии левой. При переносном употреблении



отсылки к интернационализмам *фашист* и *нацист* приписывают характеризующему лицу свойство крайней жестокости, бесчеловечности, выражают резко негативную его оценку. Данные лексические средства представляют собой слова с ярко выраженной негативной оценкой, фактически составляющей их основной смысл, также обозначающие социально осуждаемую деятельность или позицию характеризующего лица, тем самым относятся к одному из разрядов инвективной, потенциально оскорбительной лексики.

Как показано в подразделе 2.2 настоящего заключения, применение в исследуемых сообщениях любых языковых средств, лежащих за пределами языковой нормы, следует трактовать как существенно сниженное в стилистическом отношении по сравнению с законодательно установленными параметрами рассматриваемой коммуникативной ситуации. Поскольку перечисленные слова во всех случаях используются для характеристики определенной группы лиц (сотрудников службы поддержки Steam), можно констатировать, что в данном исследуемом сообщении **содержится резко негативная оценка личности иного лица, выраженная в потенциально оскорбительной, циничной, неприличной, социально неприемлемой форме, стилистически существенно сниженной относительно свойств коммуникативной ситуации и не соответствующей общепринятым нормам и правилам коммуникации.**

**2.15.** В тексте одного из электронных сообщений от 28.04.2020, представленных ответчиком, распечатка которых находится в т. 2 на л. д. 82 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 83), истец в связи со своей блокировкой высказывает претензии, аналогичные описанным в подразделе 2.5 настоящего заключения.

Исследуемое сообщение адресовано сотрудникам службы поддержки Steam.

Использованные истцом в словосочетании *nazi scum* (*нацистская мразь*) лексема *scum* (*мразь*) относится к разряду слов, содержащих экспрессивную негативную оценку поведения человека, свойств его личности и т.п., без отношения к указанию на конкретную деятельность или позицию, тем самым к одному из разрядов инвективной лексики. Дополнительную экспрессию указанному словесному обозначению придает переносное употребление определения *nazi* (*нацистский*). Употребление данного слова носит определенно переносный характер, его восприятие в прямом значении не представляется возможным в силу его антагонистической противоречивости с понятием либеральной идеологии, в то время как определения *nazi* (*нацистский*) и *liberal*



(либеральный) истец применяет к одним и тем же лицам. При переносном употреблении отсылка к интернационализму *нацист* приписывает характеризуемому лицу свойство крайней жестокости, бесчеловечности, выражает резко негативную его оценку.

Как показано в подразделе 2.2 настоящего заключения, применение в исследуемых сообщениях любых языковых средств, лежащих за пределами языковой нормы, следует трактовать как существенно сниженное в стилистическом отношении по сравнению с законодательно установленными параметрами рассматриваемой коммуникативной ситуации. Поскольку перечисленные слова во всех случаях используются для характеристики определенной группы лиц (сотрудников службы поддержки Steam), можно констатировать, что в данном исследуемом сообщении **содержится резко негативная оценка личности иного лица, выраженная в потенциально оскорбительной, циничной, неприличной, социально неприемлемой форме, стилистически существенно сниженной относительно свойств коммуникативной ситуации и не соответствующей общепринятым нормам и правилам коммуникации.**

**2.16.** В тексте электронного сообщения от 31.05.2020, представленного ответчиком, распечатка которого находится в т. 2 на л. д. 87 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 88), истец затрагивает тему межрасовых конфликтов на территории США.

Исследуемое сообщение адресовано сотрудникам службы поддержки Steam, которых автор определенно считает представителями европеоидной расы, используя для их номинации словосочетание *white libshit* (белое либеральное дерьмо).

При этом представителей негроидной расы истец обозначает существительным *nigger* (*ниггер*), представляющим собой в английском языке определенно инвективное обозначение представителей негроидной расы. (Данное существительное не следует путать с вполне нейтральным антропологическим термином *negro* (*негроид*).)

Как показано в подразделе 2.2 настоящего заключения, применение в исследуемых сообщениях любых языковых средств, лежащих за пределами языковой нормы, следует трактовать как существенно сниженное в стилистическом отношении по сравнению с законодательно установленными параметрами рассматриваемой коммуникативной ситуации. Следовательно, можно констатировать, что в данном исследуемом сообщении **содержится резко негативная оценка личности иных лиц как представителей**



**негроидной расы, выраженная в потенциально оскорбительной, циничной, неприличной, социально неприемлемой форме**, стилистически существенно сниженной относительно свойств коммуникативной ситуации и не соответствующей общепринятым нормам и правилам коммуникации.

**2.17.** Электронные сообщения, представленные ответчиком, распечатка которых находится в т. 2 на л. д. 89, 91 и 93 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 90, 92 и 94 соответственно), по существу представляют собой троекратное повторение одного и того же текста.

Полностью аналогично положению дел, описанному в подразделе 2.16 настоящего заключения, исследуемые сообщения адресованы сотрудникам службы поддержки Steam, которых автор определенно считает представителями европеоидной расы, используя для их номинации словосочетание *white liberal slaves* (*белые либеральные рабы*).

При этом представителей негроидной расы истец обозначает существительным *nigger* (*ниггер*), представляющим собой в английском языке определенно инвективное обозначение представителей негроидной расы.

Как показано в подразделе 2.2 настоящего заключения, применение в исследуемых сообщениях любых языковых средств, лежащих за пределами языковой нормы, следует трактовать как существенно сниженное в стилистическом отношении по сравнению с законодательно установленными параметрами рассматриваемой коммуникативной ситуации. Следовательно, можно констатировать, что в каждом из данных исследуемых сообщений **содержится резко негативная оценка личности иных лиц как представителей негроидной расы, выраженная в потенциально оскорбительной, циничной, неприличной, социально неприемлемой форме**, стилистически существенно сниженной относительно свойств коммуникативной ситуации и не соответствующей общепринятым нормам и правилам коммуникации.

**2.18.** Обобщая изложенное в настоящем разделе заключения, можно констатировать, что высказывания, в которых содержится **резко негативная оценка личности иных лиц как представителей негроидной расы, выраженная в потенциально оскорбительной, циничной, неприличной, социально неприемлемой форме**, стилистически существенно сниженной относительно свойств коммуникативной



ситуации и не соответствующей общепринятым нормам и правилам коммуникации, имеются в текстах представленных электронных сообщений С. Смирнова, описанных в подразделах 2.3, 2.5, 2.6, 2.7, 2.9, 2.10, 2.11, 2.14, 2.15, 2.16 и 2.17 настоящего заключения.

### **3. Исследование по вопросам № 2 и № 3**

**3.1.** При разрешении поставленных перед комиссией специалистов вопросов № 2 и № 3, фактически являющихся типовыми для лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму, применяется понятийный аппарат и методы, описанные в «Методических рекомендациях по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ», подготовленных авторским коллективом ГЛЭДИС в составе Ю.А. Бельчикова, М.В. Горбаневского и И.В. Жаркова [1].

**3.2.** На скриншотах, представленных истцом, находящихся в т. 1 на л. д. 93, 112–118, не имеется релевантных для разрешения поставленных перед специалистами вопросов № 2 и № 3 сообщений. В частности, полностью отсутствует какая-либо информация, относящаяся к теме межрасовых, межнациональных отношений; полностью отсутствуют какие-либо сведения, которые могли бы быть связаны с квалификацией человека или группы лиц по признакам принадлежности к той или иной расовой или этнической группе, происхождения, принадлежности к значимой социальной группе. Упоминание об организации (компании), с которой истец ведет переписку, не подлежит квалификации как значимое в контексте антиэкстремистского законодательства упоминание социальной группы, поскольку с признаком принадлежности человека к кадровому составу определенного юридического лица связана определенная разновидность деловой репутации, но не особый вид достоинства, которое могло бы явиться предметом унижения.

Таким образом, на скриншотах, представленных истцом, находящихся в т. 1 на л. д. 93, 112–118, не зафиксировано каких-либо высказываний истца, которые характеризовались бы проявлениями расизма, а равно не зафиксировано каких-либо высказываний истца, которые характеризовались бы специальными лингвистическими признаками дискриминации человека или группы лиц по признакам национальности, происхождения, принадлежности к какой-либо социальной группе.



**3.3.** В тексте электронного сообщения от 13.09.2019, представленного ответчиком, распечатка которого находится в т. 2 на л. д. 57 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 58), не имеется релевантных для разрешения поставленных перед специалистами вопросов № 2 и № 3 сообщений. В частности, полностью отсутствует какая-либо информация, относящаяся к теме межрасовых, межнациональных отношений; полностью отсутствуют какие-либо сведения, которые могли бы быть связаны с квалификацией человека или группы лиц по признакам принадлежности к той или иной расовой или этнической группе, происхождения, принадлежности к значимой социальной группе. Упоминание об организации (компании), с которой истец ведет переписку, не подлежит квалификации как значимое в контексте антиэкстремистского законодательства упоминание социальной группы, поскольку с признаком принадлежности человека к кадровому составу определенного юридического лица связана определенная разновидность деловой репутации, но не особый вид достоинства, которое могло бы явиться предметом унижения.

Таким образом, в тексте электронного сообщения от 13.09.2019, представленного ответчиком, распечатка которого находится в т. 2 на л. д. 57 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 58), не зафиксировано каких-либо высказываний истца, которые характеризовались бы проявлениями расизма, а равно не зафиксировано каких-либо высказываний истца, которые характеризовались бы специальными лингвистическими признаками дискриминации человека или группы лиц по признакам национальности, происхождения, принадлежности к какой-либо социальной группе.

**3.4.** В тексте электронного сообщения от 26.02.2020, представленного ответчиком, распечатка которого находится в т. 2 на л. д. 59 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 60), не имеется релевантных для разрешения поставленных перед специалистами вопросов № 2 и № 3 сообщений. В частности, полностью отсутствует какая-либо информация, относящаяся к теме межрасовых, межнациональных отношений; полностью отсутствуют какие-либо сведения, которые могли бы быть связаны с квалификацией человека или группы лиц по признакам принадлежности к той или иной расовой или этнической группе, происхождения, принадлежности к значимой социальной группе. Упоминание об организации (компании), с которой истец ведет





переписку, не подлежит квалификации как значимое в контексте антиэкстремистского законодательства упоминание социальной группы, поскольку с признаком принадлежности человека к кадровому составу определенного юридического лица связана определенная разновидность деловой репутации, но не особый вид достоинства, которое могло бы явиться предметом унижения.

Таким образом, в тексте электронного сообщения от 26.02.2020, представленного ответчиком, распечатка которого находится в т. 2 на л. д. 59 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 60), не зафиксировано каких-либо высказываний истца, которые характеризовались бы проявлениями расизма, а равно не зафиксировано каких-либо высказываний истца, которые характеризовались бы специальными лингвистическими признаками дискриминации человека или группы лиц по признакам национальности, происхождения, принадлежности к какой-либо социальной группе.

**3.5.** В тексте электронного сообщения от 29.02.2020, представленного ответчиком, распечатка которого находится в т. 2 на л. д. 61–62 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 63–64), для обозначения сотрудников ответчика используется обозначение *WESTERN CUCKS* (западные лохи, западные куклы, западные подкаблучники).

При употреблении существительного *cuck* для обозначения человека (как правило, мужского пола) обозначаемому лицу приписываются свойства быть глупым, совершенно неэффективным, несамостоятельным (ср. дефиниции «Большого толкового словаря»: жаргонизм *лох* — ‘Глупый человек, простак; наивный, доверчивый человек’; *кукла* — ‘Человек, слепо действующий по воле другого; марионетка’; *подкаблучник* — ‘Тот, кто находится в подчинении, под каблуком у жены’).

С учетом изложенного, обозначением *WESTERN CUCKS* при любой его возможной интерпретации обозначаемой группе лиц, на основании единственного названного объединяющего эту группу признака (происхождения из стран Запада), приписываются негативно оцениваемые обществом свойства.

**Таким образом, в тексте электронного сообщения от 29.02.2020, представленного ответчиком, распечатка которого находится в т. 2 на л. д. 61–62 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 63–64), имеются высказывания,**



**характеризующиеся специальными лингвистическими признаками дискриминации человека или группы лиц по признаку происхождения.**

**3.6.** В тексте электронного сообщения от 06.03.2020, представленного ответчиком, распечатка которого находится в т. 2 на л. д. 65 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 66), не имеется релевантных для разрешения поставленных перед специалистами вопросов № 2 и № 3 сообщений. В частности, полностью отсутствует какая-либо информация, относящаяся к теме межрасовых, межнациональных отношений; полностью отсутствуют какие-либо сведения, которые могли бы быть связаны с квалификацией человека или группы лиц по признакам принадлежности к той или иной расовой или этнической группе, происхождения, принадлежности к значимой социальной группе. Упоминание об организации (компании), с которой истец ведет переписку, не подлежит квалификации как значимое в контексте антиэкстремистского законодательства упоминание социальной группы, поскольку с признаком принадлежности человека к кадровому составу определенного юридического лица связана определенная разновидность деловой репутации, но не особый вид достоинства, которое могло бы явиться предметом унижения.

Таким образом, в тексте электронного сообщения от 06.03.2020, представленного ответчиком, распечатка которого находится в т. 2 на л. д. 65 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 66), не зафиксировано каких-либо высказываний истца, которые характеризовались бы проявлениями расизма, а равно не зафиксировано каких-либо высказываний истца, которые характеризовались бы специальными лингвистическими признаками дискриминации человека или группы лиц по признакам национальности, происхождения, принадлежности к какой-либо социальной группе.

**3.7.** В тексте обращений истца к модераторам форума, представленных ответчиком, распечатка которых находится в т. 2 на л. д. 67–68 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 69–70), не имеется релевантных для разрешения поставленных перед специалистами вопросов № 2 и № 3 сообщений. В частности, полностью отсутствует какая-либо информация, относящаяся к теме межрасовых, межнациональных отношений; полностью отсутствуют какие-либо сведения, которые могли бы быть связаны с квалификацией человека или группы лиц по признакам принадлежности к той



или иной расовой или этнической группе, происхождения, принадлежности к значимой социальной группе. Упоминание об организации (компании), с которой истец ведет переписку, не подлежит квалификации как значимое в контексте антиэкстремистского законодательства упоминание социальной группы, поскольку с признаком принадлежности человека к кадровому составу определенного юридического лица связана определенная разновидность деловой репутации, но не особый вид достоинства, которое могло бы явиться предметом унижения.

Таким образом, в тексте обращений истца к модераторам форума, представленных ответчиком, распечатка которых находится в т. 2 на л. д. 67–68 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 69–70), не зафиксировано каких-либо высказываний истца, которые характеризовались бы проявлениями расизма, а равно не зафиксировано каких-либо высказываний истца, которые характеризовались бы специальными лингвистическими признаками дискриминации человека или группы лиц по признакам национальности, происхождения, принадлежности к какой-либо социальной группе.

**3.8.** В тексте обращений истца к модераторам форума, представленных ответчиком, распечатка которых находится в т. 2 на л. д. 71–72 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 73–74), не имеется релевантных для разрешения поставленных перед специалистами вопросов № 2 и № 3 сообщений. В частности, полностью отсутствует какая-либо информация, относящаяся к теме межрасовых, межнациональных отношений; полностью отсутствуют какие-либо сведения, которые могли бы быть связаны с квалификацией человека или группы лиц по признакам принадлежности к той или иной расовой или этнической группе, происхождения, принадлежности к значимой социальной группе. Упоминание об организации (компании), с которой истец ведет переписку, не подлежит квалификации как значимое в контексте антиэкстремистского законодательства упоминание социальной группы, поскольку с признаком принадлежности человека к кадровому составу определенного юридического лица связана определенная разновидность деловой репутации, но не особый вид достоинства, которое могло бы явиться предметом унижения.

Таким образом, в тексте обращений истца к модераторам форума, представленных ответчиком, распечатка которых находится в т. 2 на л. д. 71–72 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 73–74), не зафиксировано каких-либо высказываний истца,



которые характеризовались бы проявлениями расизма, а равно не зафиксировано каких-либо высказываний истца, которые характеризовались бы специальными лингвистическими признаками дискриминации человека или группы лиц по признакам национальности, происхождения, принадлежности к какой-либо социальной группе.

**3.9.** В тексте электронного сообщения от 27.02.2020, представленного ответчиком, распечатка которого находится в т. 2 на л. д. 75 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 76, вероятно, является обратным переводом на русский язык английского перевода данного сообщения, имеющегося на л. д. 75), не имеется релевантных для разрешения поставленных перед специалистами вопросов № 2 и № 3 сообщений. В частности, полностью отсутствует какая-либо информация, относящаяся к теме межрасовых, межнациональных отношений; полностью отсутствуют какие-либо сведения, которые могли бы быть связаны с квалификацией человека или группы лиц по признакам принадлежности к той или иной расовой или этнической группе, происхождения, принадлежности к значимой социальной группе. Упоминание об организации (компании), с которой истец ведет переписку, не подлежит квалификации как значимое в контексте антиэкстремистского законодательства упоминание социальной группы, поскольку с признаком принадлежности человека к кадровому составу определенного юридического лица связана определенная разновидность деловой репутации, но не особый вид достоинства, которое могло бы явиться предметом унижения.

Таким образом, в тексте электронного сообщения от 27.02.2020, представленного ответчиком, распечатка которого находится в т. 2 на л. д. 75 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 76, вероятно, является обратным переводом на русский язык английского перевода данного сообщения, имеющегося на л. д. 75), не зафиксировано каких-либо высказываний истца, которые характеризовались бы проявлениями расизма, а равно не зафиксировано каких-либо высказываний истца, которые характеризовались бы специальными лингвистическими признаками дискриминации человека или группы лиц по признакам национальности, происхождения, принадлежности к какой-либо социальной группе.



**3.10.** В тексте электронного сообщения от 28.02.2020, представленного ответчиком, распечатка которого находится в т. 2 на л. д. 77 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 78), выражена негативная оценка, объектом которой выступает группа лиц, обозначенная в исследуемом сообщении словосочетанием «LEFTIST AMERICAN RETARDS» («ЛЕВАЦКИЕ АМЕРИКАНСКИЕ ТОРМОЗА»), выделяемая по комбинации признаков гражданства и политических взглядов. Имя существительное *leftist* (*левак*) обозначает в английском языке человека, принадлежащего к числу сторонников крайне левых, радикальных взглядов. Сторонники крайне левых, радикальных взглядов могут рассматриваться в качестве социальной группы. Какая-либо информация, относящаяся к теме межрасовых, межнациональных отношений, отсутствует.

Объектом негативной оценки в данном исследуемом тексте выступают, таким образом, лица, обозначенные словосочетанием «LEFTIST AMERICAN RETARDS» («ЛЕВАЦКИЕ АМЕРИКАНСКИЕ ТОРМОЗА»), выделяемые в том числе по признаку принадлежности к социальной группе.

**Таким образом, в тексте электронного сообщения от 28.02.2020, представленного ответчиком, распечатка которого находится в т. 2 на л. д. 77 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 78), имеются высказывания, характеризующиеся специальными лингвистическими признаками дискриминации человека или группы лиц по признаку принадлежности к определенной социальной группе.**

**3.11.** Электронные сообщения от 28.02.2020, представленные ответчиком, распечатка которых находится в т. 2 на л. д. 79–80 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 81), имеющиеся также в числе сообщений, представленных в виде скриншотов истцом, рассмотрены в подразделе 3.2 настоящего заключения, согласно выводам которого в указанных сообщениях не зафиксировано каких-либо высказываний истца, которые характеризовались бы проявлениями расизма, а равно не зафиксировано каких-либо высказываний истца, которые характеризовались бы специальными лингвистическими признаками дискриминации человека или группы лиц по признакам национальности, происхождения, принадлежности к какой-либо социальной группе.



**3.12.** В тексте электронного сообщения от 28.04.2020, представленного ответчиком, распечатка которого находится в т. 2 на л. д. 82 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 83), не имеется релевантных для разрешения поставленных перед специалистами вопросов № 2 и № 3 сообщений.

В частности, полностью отсутствует какая-либо информация, относящаяся к теме межрасовых, межнациональных отношений; полностью отсутствуют какие-либо сведения, которые могли бы быть связаны с квалификацией человека или группы лиц по признакам принадлежности к той или иной расовой или этнической группе, происхождения, принадлежности к значимой социальной группе. Упоминание об организации (компании), с которой истец ведет переписку, не подлежит квалификации как значимое в контексте антиэкстремистского законодательства упоминание социальной группы, поскольку с признаком принадлежности человека к кадровому составу определенного юридического лица связана определенная разновидность деловой репутации, но не особый вид достоинства, которое могло бы явиться предметом унижения. Как было показано в подразделе 2.14 настоящего заключения, употребление в исследуемом тексте определений *fascist* (*фашистский*), *nazi* (*нацистский*), *leftist* (*левый, левацкий*). носит определенно переносный характер, попытка интерпретировать их как указания на признаки, которые могут деять в основе выделения той или иной социальной группы, несостоятельна в силу антагонистической противоречивости связанных с ними понятий: фашизм и нацизм — виды крайне правой идеологии, противостоящей видам идеологии левой.

Таким образом, в тексте электронного сообщения от 28.04.2020, представленного ответчиком, распечатка которого находится в т. 2 на л. д. 82 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 83), не зафиксировано каких-либо высказываний истца, которые характеризовались бы проявлениями расизма, а равно не зафиксировано каких-либо высказываний истца, которые характеризовались бы специальными лингвистическими признаками дискриминации человека или группы лиц по признакам национальности, происхождения, принадлежности к какой-либо социальной группе.

**3.13.** В тексте одного из электронных сообщений от 28.04.2020, представленных ответчиком, распечатка которых находится в т. 2 на л. д. 82 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 83), для характеристики и отграничения определенной группы людей используется определение *shitskin* (*с дермальной кожей*).



Истец приписывает людям «с дерьмовой кожей» определенный антисоциальный образ жизни: иждивенчество за счет средств налогоплательщиков, включая налоги, выплачиваемые сотрудниками службы поддержки Steam, запугивание окружающих сограждан, изнасилования детей, среди которых истец особо выделяет финских девочек, которые, таким образом, в структуре данного исследуемого текста выступают как группа людей, чья кожа определенно не является дерьмовой.

В совокупности с упоминанием о концепции культурного разнообразия (*diversity*) и о расизме («Let's not be racist» — «Давайте не будем расистами» — из представленных материалов гражданского дела известно, что истец подвергался блокировкам в связи с проявлениями расизма) изложенное позволяет вполне определенно утверждать, что наблюдаемое в данном исследуемом тексте абсолютное противопоставление людей «с дерьмовой кожей» финским девочкам осуществляется истцом по признаку цвета кожи — истец позиционирует как «дерьмовую» человеческую кожу, цвет которой существенно отличается от цвета кожи финских девочек, то есть людей, не принадлежащих к европеоидной расе. При этом людям, не принадлежащим к европеоидной расе, истцом приписывается ведение социально осуждаемого образа жизни.

**Таким образом, в тексте одного из электронных сообщений от 28.04.2020, представленных ответчиком, распечатка которых находится в т. 2 на л. д. 82 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 83), имеются высказывания истца, которые характеризуются проявлениями расизма.**

**3.14.** В тексте электронного сообщения от 31.05.2020, представленного ответчиком, распечатка которого находится в т. 2 на л. д. 87 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 88), как показано в подразделе 2.16 настоящего заключения, содержится резко негативная оценка представителей негроидной расы, выраженная существительным *nigger* (*ниггер*) в потенциально оскорбительной, циничной, неприличной, социально неприемлемой форме, стилистически существенно сниженной относительно свойств коммуникативной ситуации и не соответствующей общепринятым нормам и правилам коммуникации.

**Таким образом, в тексте электронного сообщения от 31.05.2020, представленного ответчиком, распечатка которого находится в т. 2 на л. д. 87**



**(перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 88), имеются высказывания истца, которые характеризуются проявлениями расизма.**

**3.15.** Как уже было сказано в подразделе 2.17 настоящего заключения, электронные сообщения, представленные ответчиком, распечатка которых находится в т. 2 на л. д. 89, 91 и 93 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 90, 92 и 94 соответственно), по существу представляют собой троекратное повторение одного и того же текста, в котором содержится резко негативная оценка представителей негроидной расы, выраженная существительным *nigger* (*ниггер*) в потенциально оскорбительной, циничной, неприличной, социально неприемлемой форме, стилистически существенно сниженной относительно свойств коммуникативной ситуации и не соответствующей общепринятым нормам и правилам коммуникации.

**Таким образом, в тексте каждого из трех электронных сообщений, представленных ответчиком, распечатка которых находится в т. 2 на л. д. 89, 91 и 93 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 90, 92 и 94 соответственно), имеются высказывания истца, которые характеризуются проявлениями расизма.**

**3.16.** Обобщая изложенное в настоящем разделе заключения, можно констатировать, что высказывания, **характеризующиеся проявлениями расизма**, имеются в текстах представленных электронных сообщений С. Смирнова, описанных в подразделах 3.13, 3.14 и 3.15 настоящего заключения.

**3.17.** Обобщая изложенное в настоящем разделе заключения, можно констатировать, что высказывания, **характеризующиеся специальными лингвистическими признаками дискриминации человека или группы лиц по признакам национальности, происхождения, принадлежности к какой-либо социальной группе**, имеются в текстах представленных электронных сообщений С. Смирнова, описанных в подразделах 3.5 и 3.10 настоящего заключения.

#### **4. Исследование по вопросу № 4**

**4.1.** На скриншотах, представленных истцом, находящихся в т. 1 на л. д. 93, 112–118, не имеется релевантных для разрешения поставленного перед специалистами вопроса № 4 сообщений. Сведений о каких-либо событиях, относящихся к будущему времени, не





выявлено. В частности, полностью отсутствуют высказывания, в которых содержалась бы информация о намерении истца совершить в будущем какие-либо действия, включая действия, в результате которых вероятным является наступление негативных для адресата последствий.

Таким образом, на скриншотах, представленных истцом, находящихся в т. 1 на л. д. 93, 112–118, не зафиксировано каких-либо высказываний истца, которые содержали бы угрозы.

**4.2.** В тексте электронного сообщения от 13.09.2019, представленного ответчиком, распечатка которого находится в т. 2 на л. д. 57 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 58), не имеется релевантных для разрешения поставленного перед специалистами вопроса № 4 сообщений. Сведений о каких-либо событиях, относящихся к будущему времени, не выявлено. В частности, полностью отсутствуют высказывания, в которых содержалась бы информация о намерении истца совершить в будущем какие-либо действия, включая действия, в результате которых вероятным является наступление негативных для адресата последствий.

Таким образом, в тексте электронного сообщения от 13.09.2019, представленного ответчиком, распечатка которого находится в т. 2 на л. д. 57 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 58), не зафиксировано каких-либо высказываний истца, которые содержали бы угрозы.

**4.3.** В тексте электронного сообщения от 26.02.2020, представленного ответчиком, распечатка которого находится в т. 2 на л. д. 59 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 60), присутствует ряд высказываний, в которых содержится информация о намерении истца совершить в будущем действия, в результате которых вероятным является наступление негативных для адресата последствий, а именно:

- обратиться с иском в суд;
- обеспечить широкое распространение негативной в отношении ответчика информации в связи с предстоящим судебным процессом по иску истца.

Данные намерения выражаются в следующих высказываниях:

- «I will sue it if you don't lift my ban» («Я предъявлю вам иск, если вы не отмените мою блокировку»);



- «Failing that I will take this to court. I will make sure it will be a very public affair» («Если вы не выполните мое требование, я обращусь в суд. Я позабочусь о том, чтобы дело получило максимальную огласку»).

Описанные высказывания полностью удовлетворяют принятому определению коммуникативного намерения угрозы, приведенному в подразделе 1.3 настоящего заключения. Во всех случаях исполнение угрозы ставится истцом в зависимость от удовлетворения его требования разблокировки, тем самым направлены на обеспечение выполнения этого требования.

**Таким образом, в тексте электронного сообщения от 26.02.2020, представленного ответчиком, распечатка которого находится в т. 2 на л. д. 59 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 60), имеются высказывания, содержащие угрозы.**

**4.4.** В тексте электронного сообщения от 29.02.2020, представленного ответчиком, распечатка которого находится в т. 2 на л. д. 61–62 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 63–64), присутствует ряд высказываний, в которых содержится информация о намерении истца совершить в будущем действия, в результате которых вероятным является наступление негативных для адресата последствий, а именно:

- причинить ущерб ответчику;
- совершить некие не определенные по содержанию действия, в результате которых вероятным является наступление негативных для ответчика последствий.

Данные намерения выражаются в следующих высказываниях:

- «If you don't restore my steam to the full service I will stop at nothing to damage your company» (во вполне корректном переводе Е.С. Хавренковой — «Если вы не восстановите полностью мой Стим, я не остановлюсь ни перед чем, чтобы нанести ущерб вашей компании»);
- «It's not gonna be good for you... I will pursue every course of action and I mean every COURSE OF ACTION... Think again... Don't threaten a Russian otherwise there will be more than just threats back. I have a business that works on its own and I have lots of



free time and money to deal wuth you» (во вполне корректном переводе Е.С. Хавренковой — «Для вас это не кончится хорошо... Я буду предпринимать все необходимые действия, и я имею в виду ВСЕ ДЕЙСТВИЯ... Подумайте еще раз... Не угрожайте русскому, иначе в ответ последуют не только угрозы. У меня есть бизнес, который работает сам по себе, и у меня есть много свободного времени и денег, чтобы иметь дело с вами»).

Описанные высказывания полностью удовлетворяют принятому определению коммуникативного намерения угрозы, приведенному в подразделе 1.3 настоящего заключения. Во всех случаях исполнение угрозы ставится истцом в зависимость от удовлетворения его требований разблокировки и отказа от введения новых санкций за нарушение условий пользовательского соглашения, тем самым направлены на обеспечение выполнения этих требований. Угрозы сопровождаются высказываниями, направленными на убеждение адресата в наличии у истца возможности их исполнения, то есть в их реальном характере.

**Таким образом, в тексте электронного сообщения от 29.02.2020, представленного ответчиком, распечатка которого находится в т. 2 на л. д. 61–62 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 63–64), имеются высказывания, содержащие угрозы, в том числе сопровождающиеся высказываниями, направленными на убеждение адресата в их реальном характере.**

**4.5.** В тексте электронного сообщения от 06.03.2020, представленного ответчиком, распечатка которого находится в т. 2 на л. д. 65 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 66), присутствует ряд высказываний, в которых содержится информация о намерении истца совершить в будущем действия, в результате которых вероятным является наступление негативных для адресата последствий, а именно:

- обратиться с иском в суд;
- совершить некие не определенные по содержанию действия, в результате которых вероятным является наступление негативных для ответчика последствий.

Данные намерения выражаются в следующих высказываниях:



- «Restore my service or I'll taking it to court» («Восстановите мою учетную запись, или я обращусь в суд»);
- «Just like I said before I will throw the book at your service» («Как я уже сказал, я накажу вас на всю катушку»).

Описанные высказывания полностью удовлетворяют принятому определению коммуникативного намерения угрозы, приведенному в подразделе 1.3 настоящего заключения. Во всех случаях исполнение угрозы ставится истцом в зависимость от удовлетворения его требования разблокировки, тем самым направлены на обеспечение выполнения этого требования.

**Таким образом, в тексте электронного сообщения от 06.03.2020, представленного ответчиком, распечатка которого находится в т. 2 на л. д. 65 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 66), имеются высказывания, содержащие угрозы.**

**4.6.** В тексте обращений истца к модераторам форума, представленных ответчиком, распечатка которых находится в т. 2 на л. д. 67–68 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 69–70), не имеется релевантных для разрешения поставленного перед специалистами вопроса № 4 сообщений. Сведений о каких-либо событиях, относящихся к будущему времени, не выявлено. В частности, полностью отсутствуют высказывания, в которых содержалась бы информация о намерении истца совершить в будущем какие-либо действия, включая действия, в результате которых вероятным является наступление негативных для адресата последствий.

Таким образом, в тексте обращений истца к модераторам форума, представленных ответчиком, распечатка которых находится в т. 2 на л. д. 67–68 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 69–70), не зафиксировано каких-либо высказываний истца, которые содержали бы угрозы.

**4.7.** В тексте одного из обращений истца к модераторам форума, представленных ответчиком, распечатка которых находится в т. 2 на л. д. 71–72 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 73–74), присутствует высказывание, в котором содержится информация о намерении истца совершить в будущем действия, в результате которых вероятным является наступление негативных для адресата последствий, а именно



обратиться с иском в суд (вероятно, при поддержке некой структуры, обозначаемой истцом как *защита прав потребителей*).

Данное намерение выражается в следующем высказывании: «Если бан не будет снят я обращусь в защиту прав потребителей и потом в суд».

Описанное высказывание полностью удовлетворяет принятому определению коммуникативного намерения угрозы, приведенному в подразделе 1.3 настоящего заключения. Исполнение угрозы ставится истцом в зависимость от удовлетворения его требования разблокировки, тем самым угроза направлена на обеспечение выполнения этого требования.

**Таким образом, в тексте обращений истца к модераторам форума, представленных ответчиком, распечатка которых находится в т. 2 на л. д. 71–72 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 73–74), имеется высказывание, содержащее угрозу.**

**4.8.** В тексте электронного сообщения от 27.02.2020, представленного ответчиком, распечатка которого находится в т. 2 на л. д. 75 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 76, вероятно, является обратным переводом на русский язык английского перевода данного сообщения, имеющегося на л. д. 75), не имеется релевантных для разрешения поставленного перед специалистами вопроса № 4 сообщений. Сведений о каких-либо событиях, относящихся к будущему времени, не выявлено. В частности, полностью отсутствуют высказывания, в которых содержалась бы информация о намерении истца совершить в будущем какие-либо действия, включая действия, в результате которых вероятным является наступление негативных для адресата последствий.

Таким образом, в тексте электронного сообщения от 27.02.2020, представленного ответчиком, распечатка которого находится в т. 2 на л. д. 75 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 76, вероятно, является обратным переводом на русский язык английского перевода данного сообщения, имеющегося на л. д. 75), не зафиксировано каких-либо высказываний истца, которые содержали бы угрозы.

**4.9.** В тексте электронного сообщения от 28.02.2020, представленного ответчиком, распечатка которого находится в т. 2 на л. д. 77 (перевод на русский язык



Е.С. Хавренковой на л. д. 78), не имеется релевантных для разрешения поставленного перед специалистами вопроса № 4 сообщений.

Сведений о каких-либо событиях, относящихся к будущему времени, не выявлено. В частности, полностью отсутствуют высказывания, в которых содержалась бы информация о намерении истца совершить в будущем какие-либо действия, включая действия, в результате которых вероятным является наступление негативных для адресата последствий.

Таким образом, в тексте электронного сообщения от 28.02.2020, представленного ответчиком, распечатка которого находится в т. 2 на л. д. 77 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 78), не зафиксировано каких-либо высказываний истца, которые содержали бы угрозы.

**4.10.** Электронные сообщения от 28.02.2020, представленные ответчиком, распечатка которых находится в т. 2 на л. д. 79–80 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 81), имеющиеся также в числе сообщений, представленных в виде скриншотов истцом, рассмотрены в подразделе 4.1 настоящего заключения, согласно выводам которого в указанных сообщениях не зафиксировано каких-либо высказываний истца, которые содержали бы угрозы.

**4.11.** В тексте электронного сообщения от 28.04.2020, представленного ответчиком, распечатка которого находится в т. 2 на л. д. 82 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 83), не имеется релевантных для разрешения поставленного перед специалистами вопроса № 4 высказываний.

Сведений о каких-либо намерениях истца совершить в будущем какие-либо действия, включая действия, в результате которых вероятным является наступление негативных для адресата последствий, не имеется.

Информация о возможных в будущем негативных для ответчика либо отдельных его сотрудников событиях связывается истцом не с действиями, которые он намерен совершить, а с такими, которые им уже совершены (по утверждениям истца, произведена отправка различных жалоб/уведомлений, истцом инициировано обращение к юристу с целью подготовки к судебным разбирательствам).



Таким образом, в тексте электронного сообщения от 28.04.2020, представленного ответчиком, распечатка которого находится в т. 2 на л. д. 82 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 83), не зафиксировано каких-либо высказываний истца, которые содержали бы угрозы.

**4.12.** В тексте электронного сообщения от 01.05.2020, представленного ответчиком, распечатка которого находится в т. 2 на л. д. 84–85 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 86), присутствует высказывание, в котором содержится информация о намерении истца совершить в будущем действия, в результате которых вероятным является наступление негативных для адресата последствий, а именно: вовлечь в сферу будущего судебного разбирательства, которое с. Смирнов намерен инициировать, темы «русофобии» и пропаганды ЛГБТ среди несовершеннолетних со стороны ответчика.

Данное намерение выражается в тексте дополнительного по отношению к основному тексту сообщения, отправленного 01.05.2020 в 11:49.

Описанное высказывание полностью удовлетворяет принятому определению коммуникативного намерения угрозы, приведенному в подразделе 1.3 настоящего заключения.

Исполнение угрозы ставится истцом в зависимость от удовлетворения его требования разблокировки, тем самым угроза направлена на обеспечение выполнения этого требования.

**Таким образом, в тексте одного из электронных сообщений от 28.04.2020, представленных ответчиком, распечатка которых находится в т. 2 на л. д. 82 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 83), содержатся высказывания, в которых выражены угрозы**

**4.13.** В тексте электронного сообщения от 31.05.2020, представленного ответчиком, распечатка которого находится в т. 2 на л. д. 87 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 88), не имеется релевантных для разрешения поставленного перед специалистами вопроса № 4 высказываний.



Сведений о каких-либо намерениях истца совершить в будущем какие-либо действия, включая действия, в результате которых вероятным является наступление негативных для адресата последствий, не имеется.

Информация о возможных в будущем негативных для ответчика либо отдельных его сотрудников событиях, связанных с применением насилия, связывается истцом не с действиями, которые он намерен совершить, а с действиями иных лиц, на которые он не может оказать какого-либо влияния.

Таким образом, в тексте электронного сообщения от 31.05.2020, представленного ответчиком, распечатка которого находится в т. 2 на л. д. 87 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 88), не зафиксировано каких-либо высказываний истца, которые содержали бы угрозы.

**4.14.** Как уже было сказано в подразделе 2.17 настоящего заключения, электронные сообщения, представленные ответчиком, распечатка которых находится в т. 2 на л. д. 89, 91 и 93 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 90, 92 и 94 соответственно), по существу представляют собой тоекратное повторение одного и того же текста.

Сведений о каких-либо намерениях истца совершить в будущем какие-либо действия, включая действия, в результате которых вероятным является наступление негативных для адресата последствий, не имеется.

Информация о возможных в будущем негативных для ответчика либо отдельных его сотрудников событиях, связанных с применением насилия, связывается истцом не с действиями, которые он намерен совершить, а с действиями иных лиц, на которые он не может оказать какого-либо влияния.

Таким образом, в тексте электронных сообщений, представленных ответчиком, распечатка которых находится в т. 2 на л. д. 89, 91 и 93 (перевод на русский язык Е.С. Хавренковой на л. д. 90, 92 и 94 соответственно), не зафиксировано каких-либо высказываний истца, которые содержали бы угрозы.

**4.15.** Обобщая изложенное в настоящем разделе заключения, можно констатировать, что **высказывания, содержащие угрозы, имеются в текстах представленных электронных сообщений С. Смирнова, описанных в подразделах 4.3, 4.4, 4.5, 4.7 и 4.12 настоящего заключения.**





## ВЫВОДЫ

1. Представленные на исследование тексты электронных сообщений С. Смирнова **действительно содержат высказывания, выражающие резко негативную оценку личности иных лиц, выраженную в потенциально оскорбительной, циничной, неприличной, социально неприемлемой форме, стилистически существенно сниженной относительно свойств коммуникативной ситуации их употребления, не соответствующей общепринятым нормам и правилам коммуникации.**

Указанные высказывания описаны в подразделах 2.3, 2.5, 2.6, 2.7, 2.9, 2.10, 2.11, 2.14, 2.15, 2.16 и 2.17 исследовательской части настоящего заключения.

2. Представленные на исследование тексты электронных сообщений С. Смирнова **действительно содержат высказывания, характеризующиеся проявлениями расизма.**

Указанные высказывания описаны в подразделах 3.13, 3.14 и 3.15 исследовательской части настоящего заключения.

3. Представленные на исследование тексты электронных сообщений С. Смирнова **действительно содержат высказывания, характеризующиеся специальными лингвистическими признаками дискриминации человека или группы лиц по признакам национальности, происхождения, принадлежности к какой-либо социальной группе.**

Указанные высказывания описаны в подразделах 3.5 и 3.10 исследовательской части настоящего заключения.

4. В представленных на исследование текстах электронных сообщений С. Смирнова **действительно имеются высказывания, содержащие угрозы.**

Указанные высказывания описаны в подразделах 4.3, 4.4, 4.5, 4.7 и 4.12 исследовательской части настоящего заключения.

**Исследование проведено и оформлено в полном соответствии с Федеральным законом от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и действующими процессуальными кодексами РФ.**



**Члены комиссии специалистов ГЛЭДИС:**

Председатель Правления ГЛЭДИС,  
академик РАЕН,  
доктор филологических наук,  
профессор

---

М.В.ГОРБАНЕВСКИЙ

Член Правления ГЛЭДИС,  
действительный член Гильдии,  
начальник научно-методического отдела  
ГЛЭДИС, кандидат филологических наук

---

И.В. ЖАРКОВ

Член Правления ГЛЭДИС,  
действительный член Гильдии,  
ученый секретарь ГЛЭДИС,  
академик РАЕН,  
доктор филологических наук, профессор  
кафедры русской словесности  
и межкультурной коммуникации  
Государственного института русского языка  
им А.С. Пушкина

---

А.С. МАМОНТОВ

*ПОДПИСИ ЧЛЕНОВ КОМИССИИ ЗАВЕРЯЮ:*

---

*Н.Ю.МАКСИМОВА,  
член Правления Гильдии,  
координатор кадровой работы Гильдии*

*м.п.*

